

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. АБДУРАХМАНОВ

АЗЕРБАЙДЖАН
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
РОССИИ, ТУРЦИИ И ИРАНА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНКОЙ ССР
Баку–1964

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР*

Редактор: доктор исторических наук Г. Б. АБДУЛЛАЕВ.

ОТ РЕДАКТОРА

Абдурахманов Асим Ахмед оглы прошел небольшой жизненный путь. Умер он совсем молодым, будучи 35 лет, оставив ценное научное наследие. Он принадлежит к числу талантливых советских историков и занимает видное место в историографии Азербайджана.

Абдурахманов родился в 1923 г. в живописном городе Зака-талы Азербайджанской ССР. Там же прошли его детство и юность. Получив среднее образование, он переехал в Баку, где окончил в 1945 г. исторический факультет Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Еще будучи студентом он проявил большую склонность к научно-исследовательской работе; активно участвовал в работе научных студенческих кружков, в дискуссиях, составлял доклады, рефераты, писал статьи.

По окончании учебы в университете А. А. Абдурахманов был оставлен там же аспирантом при кафедре истории Азербайджана. Спустя некоторое время его назначили преподавателем истории Азербайджана. В 1946 г. он был направлен в Москву на учебу. Однако завершению учебы помешала болезнь. Возвратившись в Баку, он продолжал преподавательскую деятельность в университете при кафедре истории Азербайджана, совмещая ее с должностью старшего научного сотрудника Института истории партии при ЦК КП Азербайджана, филиала ИМЛ при ЦК КПСС. В марта 1954 г. А. А. Абдурахманов успешно защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук.

Перу А. А. Абдурахманова принадлежат такие ценные и оригинальные исследования, как «Образование Бакинского Со-

вета» (1956), «Бакинская большевистская организация в годы нового революционного подъема» (1953), и статьи «Бакинская организация РСДРП в 1910–1911 гг. и ее борьба за созыв Пражской конференции» и др.¹ Абдурахманов является одним из авторов Истории Коммунистической партии Азербайджана. Произведение Абдурахманова «Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в.» является его кандидатской диссертацией.

Ввиду болезни автору не удалось подготовить свою ценную диссертацию к печати. Он не успел ее доработать и переработать с учетом замечаний и пожеланий, что, несомненно, способствовало бы устранению имевшихся в ней недостатков. Помимо этого, хотя при написании монографии автор ввел в научный оборот неиспользованные до него документы, тем не менее немало новых архивных источников, помогающих раскрытию сущности событий, осталось вне поля зрения автора или же не было им раскрыто. Поэтому нельзя было издавать диссертацию Абдурахманова в том виде, в каком она находилась.

В связи с этим нам пришлось внести значительные изменения в текст труда А. А. Абдурахманова «Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в.», используя новые материалы. Был уточнен ряд вопросов, внесена определенная ясность в освещение некоторых событий рассматриваемого им периода первой половины XVIII в., пересмотрены отдельные устаревшие оценки и характеристики событий. Заново составлены введение и заключение монографии, ее отдельные разделы, проведена перекомпоновка материала, выделены главы и разделы, а также проведена определенная научно-техническая работа.

---

¹ Труды Института истории партии при ЦК КП Азербайджана, филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. т. XX, Баку, 1959.

Подготавливая исследование А. А. Абдурахманова к печати, мы руководствовались большим чувством уважения к покойному и желанием сделать эту ценную монографию достоянием читателей.

ВВЕДЕНИЕ

Первая половина XVIII в. является одним из важных периодов истории Азербайджана. Его внешнеполитическое положение обострилось из-за продолжавшейся борьбы держав за овладение Закавказьем. Объектом наиболее острой борьбы между Турцией и Ираном был Азербайджан, который обладал богатейшими материальными ресурсами и занимал важное стратегическое положение.

Выяснение места и значения Азербайджана в отношениях между Россией, Турцией и Ираном в упомянутый период, как предмет самостоятельного исследования, имеет важное значение, некоторые вопросы внешнеполитического положения Азербайджана в первой половине XVIII в. затрагивались в отдельных трудах как дореволюционных², так и советских историков.

---

² С. М. Соловьев. История России, кн. 4, т. XVI–XX, 1808; его же. Петр Великий на Каспийском море. «Вестник Европы», кн. 3. 1868; Г. Мельгунов. Поход Петра Великого в Персию. «Русский вестник», т. 110; В. В. Комаров. Персидская война 1722–1725 гг., 1867, «Русский вестник», т. 68; В. Потто. Кавказские войны в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1897, т. 1; Г. А. Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898; П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г., ч. 1, III, СПб., 1869; С. О. К и ш м и ш е в. Походы Надыр-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889.

Произведения дореволюционных буржуазных и дворянских историков носят исключительно описательный характер. Представители дворянской и буржуазной историографии не могли дать подлинно научного освещения вопроса о роли Азербайджана как одного из узловых пунктов противоречий между Россией, Турцией и Ираном. Они не видели основных причин русско-иранских и русско-турецких противоречий в первой половине XVIII века. Некоторые из них, например С. М. Соловьев, П. Г. Бутков, Г. А. Эзов³, объясняли эти противоречия только стремлением России обеспечить безопасность своих южных границ и противодействием ей со стороны Турции или Ирана.

Объясняя причины военно-политической борьбы России с Турцией и Ираном за Кавказ, Г. А. Эзов утверждал, что на протяжении первой половины XVIII в. Россия стремилась освободить единоверцев от преследования «тамошних мусульман»⁴, считая, что религиозные мотивы были основной причиной русско-турецких и русско-иранских противоречий.

По мнению М. Н. Покровского, противоречия и борьба между Россией, Турцией и Ираном за Азербайджан являлись порождением только экономической политики царской России на Востоке, в частности ее борьбы за господство «в области шелковой торговли»⁵.

Ошибочные положения встречаются и в работе советского историка В. П. Лысцова⁶, в которой упрощается историческая правда, игнорируются многие факты из жизни народов Закавказья вообще и азербайджанского народа в частности.

---

³ Имеются в виду работы С. М. Соловьева. История России, кн. 4, СПб., 1808, стр. 650–655; П. Г. Бутков. Ук. соч., ч. 1, стр. 90–91; Г. А. Эзов. Ук. соч., стр. XXI; В. В. Комаров. Ук. соч., стр. 43.

⁴ Г. А. Эзов. Ук. соч., стр. XXI–XXIII.

⁵ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. II. ОГИЗ, 1933, стр. 257–258.

⁶ В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I (1722–1723 гг.) М., 1951

Он не замечает ориентации широких слоев азербайджанского народа на Россию.

Отдельные советские историки⁷ не совсем четко и ясно определили характер, политическую и социальную направленность выступлений, возглавлявшихся Али Султаном, Гаджи Давудом, Сурхай-ханом и Сефи Мирзой. Автору данной работы пришлось пересмотреть отдельные ошибочные положения, выявить историческую правду путем привлечения новых материалов.

В работе использованы в основном неопубликованные документы, хранящиеся в архивных фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального Государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) и Архива внешней политики России при МИД СССР (АВПР)⁸. Используются также опубликованные в сборниках Императорского Российского исторического общества (ИРИО) документы дипломатической переписки английских и французских посольств в России и Турции.

К этим документам по своему характеру примыкают материалы, опубликованные в Актах Кавказской Археографической комиссии (АКАК).

Часть этих источников «использована в справочной работе М. П. Полиевктова «Европейские путешественники в XIII–XVIII вв. по Кавказу», в Истории России Соловьева и в «Материалах для новой истории Кавказа» П. Г. Буткова, Соймонова, Лапухина, а также западноевропейских путешественников Дж. Хайвея и Корнелия де Бруин⁹.

---

⁷ В. Н. Леви а т о в. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в., стр. 114, 115; М. С. И в а н о в. Очерк истории Ирана, 1952, стр. 100–104.

⁸ Оценку отдельных документов и их критику см. в тексте.

⁹ Наименования работ указанных авторов, оценка и необходимая критика – в тексте.

Наиболее интересными из отмеченных источников являются путевая записка А. Т. Волынского, изданная Ев. Зевакиным¹⁰, а также его письма из Персии к барону И. П. Шафирову¹¹. Значительный интерес представляют и работы Ф. И. Соймонова¹² и И. Г. Гербера¹³. Ценным первоисточником является записка И. Я. Лерха, дающая картину разорительных походов Надир-шаха¹⁴. В качестве первоисточника нужно отметить также письма Братищева к канцлеру князю А. М. Черкасскому¹⁵. Будучи чиновником русского представительства при Надир-шахе, Братищев дает ценные сведения о русско-иранских отношениях в сороковых годах XVIII в.

Кроме нарративных источников, автором использованы также сочинения отдельных представителей русской историографии XIX в. – Голикова, Зиссермана, Потто, Ковалевского, Дубровина и др. Среди их работ в смысле богатства материалов и полноты описания событий в хронологической последовательности особо ценным является труд П. Г. Буткова.

Большой фактический материал по интересующему нас вопросу сосредоточен в труде С. М. Соловьева, который дал возможность более подробно осветить русско-турецкие отношения и их обострение в связи с азербайджанским вопросом. В сочинениях Дж. Хайвея много места отведено политическим событиям.

---

¹⁰ Общество обследования и изучения Азербайджана, № 8, вып. IV, Баку, 1929.

¹¹ «Русский старина», т. 5, СПб., 1872.

¹² Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. Ежемесячное сочинение и известия об ученых делах, 1763.

¹³ Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря, между Астраханью и рекою Курой, народах и землях и о их состоянии в 1728 г. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих, т. VI–XII, 1760.

¹⁴ Русский перевод записки опубликован в «Новых ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих», 1790, 1791.

¹⁵ «Русский Архив», кн. 3, 1899.

Из азербайджанских произведений заслуживает внимания труд Абас Кули Ага Бакиханова¹⁶, в котором описаны события, происходившие в Азербайджане с древнейших времен до 1813 г. Некоторые материалы о борьбе азербайджанского народа против владычества Надир-шаха в 30–40-х годах XVIII века содержатся в работах Гаджи Сеид Абдул-Гамида и Керим Ага Фатеха¹⁷.

Хроника «Войн Джара XVIII в.», составленная неизвестным автором¹⁸, оказала большую помощь в освещении происходившего в Азербайджане, в частности в Джарах и Белоканах, восстания против иранских захватчиков.

Автором использовано сочинение Алкадари¹⁹, из которого почерпнуты материалы, освещающие борьбу дагестанского и азербайджанского народов против владычества Надир-шаха.

Небезынтересны для освещения изучаемого вопроса работы армянских историков, очевидцев событий первой половины XVIII века в Азербайджане²⁰. На основании этих работ автор старался осветить разорительную налоговую политику Надир-шаха и положение народных масс, а также показать борьбу против ирано-турецких захватчиков азербайджанского и армянского народов и движения последних за вхождение в состав России.

Для освещения разорительных походов ирано-турецких захватчиков в Азербайджане, в частности Надир-шаха, известное значение имеют источники, содержащие сведения о работе современников Авраама Ереванци²¹.

---

¹⁶ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

¹⁷ Из истории Шекинского ханства. Над. Ин-та истории АН Азерб. ССР, Баку, 1958.

¹⁸ Работа издана в Баку в 1931 г.

¹⁹ М. Г. Алкадари. Асари-Дагестан, Махачкала, 1929.

²⁰ Переводы Тер-Григорьяна. Научный архив Института истории ЛИ Азерб. ССР.

²¹ Истории войн 1721 – 1736 гг. (изд. Арм. ФАН). Ереван, 1939.

Разумеется, что постановка и разрешение вопроса о месте и значении Азербайджана в отношениях между Россией, с одной стороны, Ираном, Турцией и стоявшими за их спиной Англией и Францией – с другой, возможны лишь при самом широком апеллировании к работам советских историков, которые дают возможность представить тот фон, на котором разворачивались интересующие нас события. К таким работам относятся: во-первых, труды, освещающие политику России в Азербайджане в рассматриваемый период; во-вторых, работы, посвященные истории совместной борьбы братских народов Закавказья против ирано-турецких захватчиков и развитию на базе этой борьбы движения за вхождение в состав России. Этот вопрос нашел некоторое освещение в докторской диссертации И. Т. Арутюняна и в его работе «Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х годах XVIII в. за присоединение к России»²².

Значительным подспорьем в изучении общественно-экономических отношений в Азербайджане является ценная монография проф. И. П. Петрушевского²³. Некоторые вопросы политической истории Азербайджана рассматриваемого периода нашли свое освещение в работе В. И. Левиатова²⁴.

---

²² Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. VII, 1952.

²³ Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении и XVI – начале XIX веков, 1947.

²⁴ В. И. Левиатов. Ук. соч.

Глава первая

АЗЕРБАЙДЖАН В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Азербайджан издавна славится своими природными богатствами. Это обстоятельство, наряду с торговым и внешнеполитическим значением страны, делало ее объектом острой борьбы между Турцией, Ираном и Россией. Основной отраслью экономики Азербайджана того периода было сельское хозяйство. А. Волынский указывает, что страна эта была богатой, «провинции, лежащие подле Каспийского моря, Ширванское, Гилянское, из множества родится хлеба, которым и другие места довольствуются, также и скота довольно, и рыбами»²⁵. Значительное место в сельском хозяйстве Азербайджана занимали шафран и виноград. Жители Шемахи из хорошего винограда делали «преизрядное вино»²⁶. В 1723 г. в Дербенте было собрано 420 фунтов шафрана²⁷. Славился своим шафраном и Баку.

Наряду с этим Азербайджан был богат шерстью и шелком. В предгорьях Малого Кавказа, в частности в Кубе, из местного

²⁵ Журнал посланника Волынского, 1715–1718 гг. в кн. Е. Зевакина Азербайджан в начале XVIII века. Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 8, вып. 4. Баку, 1929, стр. 11–12.

²⁶ Журнал Волынского, л. 591.

²⁷ Ф. И. Соймонов. Описание Каспийского моря, стр. 352.

сырья изготовляли сукно. Полковник Лопухин проездом из Ирана в Астрахань, побывавший в этих районах, сообщал, что жители «имеют у себя немалое довольство шерсти, из которой сукна делают сами... Из здешних шерстей лучше ее нигде не сыщется»²⁸.

Шелк являлся главным предметом оптовой торговли. В Ширване и Ареше изготовляли шелк-сырец и шелковые изделия. Волынский отмечает, что в Ширване «Лучший интерес представляет их шелк, которого довольно везде родится и редкая деревня, где бы не было шелковых заводов, как около моря, так и до самой реки Кура»²⁹. Природные богатства способствовали развитию ремесла и кустарной промышленности. Ремесленное производство в этот период существовало и самостоятельно и в виде крестьянского промысла, соединенного с земледелием. Большинство ремесленников занималось обработкой хлопчатобумажной ткани и шелка, а также производством всякого рода железных изделий, выделкой деревянной посуды и т. д.

В начале XVIII в. шелк-сырец и шелковые изделия составляли значительную часть русско-азербайджанской торговли. Большие шелковые платки с золотой и серебряной орнаментацией (бохчи), дорогие ковры, шелковые и хлопчатобумажные ткани самых разнообразных сортов вывозились в Россию через Астрахань из Ардебиля, Тебриза, Шемахи, Баку и других городов Азербайджана³⁰. Баку и Шемаха являлись крупными центрами ремесленного производства³¹. В Шемахе, Баку, Тебризе и Шеки существовало множество мастерских – кархана («работный дом»). Цеховое производство оставалось замкнутым и носило феодальный характер.

²⁸ История, география и этнография Дагестана. М., 1958, стр. 30.

²⁹ Журнал посланника Волынского 1715–1718 гг. Е. Зевакина. Ук. соч., стр. 12.

³⁰ Кабинет Петра Великого, СПб., кн. 94, лл. 310–313.

³¹ Там же, кн. 62. л. 142.

Следует остановиться на некоторых характерных моментах русоко-азербайджанских экономических связей начала XVIII века. Российское правительство стремилось к тому, чтобы направить весь азербайджанский шелк-сырец по Волго-Каспийскому пути в Россию. Этому требовали нужды русской мануфактурной промышленности. Политика Петра I сводилась к тому, чтобы оделать «Россию посредницей в торговле между Востоком и Европой»³², чтобы иностранные купцы, торгующие с Азербайджаном и Ираном, вывозили все свои товары через Россию по Волго-Каспийскому пути, а не через Турцию в Европу.

Волго-Каспийский путь имел огромное значение для русской торговли. Этим путем торговые суда российских купцов отправлялись в Азербайджан. Вывозя отсюда шелк, они ввозили главным образом всевозможные меха («мягкую рухлядь»), медь, полотна и сукна. Прибыли, извлекаемые из этой торговли, равнялись приблизительно 600 000 рублей. В 1716 г. в Астрахань было привезено товаров с Кавказа и из Ирана на 409 037 рублей; значительная часть этой суммы падала непосредственно на долю торговли с Азербайджаном³³.

В первой четверти XVIII в. центром русско-азербайджанской торговли шелком была Шемаха. Сюда ввозился шелк и шелковые ткани из разных районов Азербайджана – Шеки, Гянджи, Баку, Белокан, Джар, Кубы и др. Основной морской пристанью Шемахи являлся Низабат. Местные жители на верблюдах и лошадах сопровождали отсюда торговцев и путешественников в Шемаху³⁴. По свидетельству Соймонова, еще в 20-х годах XVIII в. в Низабате функционировала ярмарка между русскими и

³² В. П. Лысков. Ук. соч., стр. 53.

³³ М. Чулков. Исторические описания российской коммерции, т. II. кн. II, стр. 72–73.

³⁴ Е. Зевакин. Ук. соч., стр. 60.

азербайджанскими купцами, где торговали главным образом шелком-сырцом³⁵.

Немаловажную роль в торговле играл Баку со своей нефтью. Кемпфер указывает, что купцы из Мангышлака и Узбекистана вели торговлю с Баку, откуда вывозили нефть³⁶. Соймонов во время плавания по Каспийскому морю видел в Баку «много торговых судов и как там нефть брали для развозения по другим персидским гаваням, в чем состоит торг немалый для великого расхода сего земляного масла»³⁷.

В начале XVIII в. в Иране и Азербайджане можно было встретить купцов из европейских и восточных стран. В 1714 г. французы закупили азербайджанского и гилянского шелка на 1 600 000 ливров (400 000 руб.)³⁸. По свидетельству Волынского (1715 г.), голландцы «умножили свои ныне в Персии торги, что уже большая часть обращается товаров через их руки и в Ост-Индию и в Европу, без всякой тягости от персиян... и тако через сей способ свободно не токмо иные товары, но и шелк сырец и протчей без препятствия покупают и посылают в Голландию чрез Алеп и чрез Смирну»³⁹. Он сообщает также, что помимо европейских купцов, «также ж в Персии великое купечество индияне имеют и zelo их в Персии многолюдно...»⁴⁰.

Торговые операции вели в Азербайджане и турки. В Тебриз приезжали караваны турецких купцов за шелком-сырцом⁴¹.

³⁵ А. Е. Соловьев. Очерки истории путешествий по Каспийскому морю. «Морской сборник», 1854, № 2, стр. 92, 93, 94.

³⁶ Е. Зевакин. Очерки по истории Азербайджана и Ирана XVI–XVIII вв., ч. I, стр. 58. Архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 152.

³⁷ Ф. И. Соймонов. Ук. соч., стр. 43.

³⁸ Е. Зевакин. Ук. очерки, стр. 140.

³⁹ Журнал посланника Волынского 1715–1718 гг. в кн. Е. Зевакина «Азербайджан в начале XVIII века», ИООИА. № 8, вып. 4 Баку, 1929, стр. 7.

⁴⁰ Там же, стр. 8.

⁴¹ В. П. Лысков. Ук. соч., стр. 52.

В Турцию ежегодно отправлялось 900 тысяч вьюков шелка⁴², которые отсюда шли в Европу⁴³.

Через своих агентов Сурхай-хана и Гаджи Давуда⁴⁴ Турция пыталась подорвать русско-азербайджанскую торговлю. Турецкий посол настаивал на мерах, обеспечивающих отправку всего персидского шелка-сырца в Турцию, а не через Каспийское море в Россию, для чего советовал шаху запретить русским строительство судов на Каспийском море, поощрять иранцев самих строить морские суда и не пускать русских на Каспийское море⁴⁵.

Значительную роль в экономике Азербайджана играли его города. В Тебризе, например, насчитывалось множество каравансараяв, имелись пороховые заводы, и наряду с Шемахой он славился своими шелковыми изделиями. Шемаха в конце XVII и начале XVIII в. стала центром русско-азербайджанской торговли. «Здесь встречались, – пишет Джонас Ханвей, – купцы из Персии, Турции, Армении, Грузии и России... Поэтому здесь были склады для всех товаров этих стран, а также и для европейских»⁴⁶. В начале XVIII века Шемаха была вторым после Тебриза азербайджанским городом: она занимала две версты в длину и версту в ширину. Городские дома строились в большинстве случаев из камня⁴⁷. В описываемый период Шемаха и

---

⁴² Там же, стр. 52.

⁴³ В. А. У л ь я н и ц к и й. Русское консульство за границей, ч. II, стр. XXXVIII.

⁴⁴ См. гл. II, разд. I.

⁴⁵ Л. Н. П о п о в. Сношения России с Хивой и Бухарою. СПб., 1853, стр. 129, 130.

⁴⁶ Д. Х а н в е й. Исторический очерк британской торговли на Каспийском море с журнала автора о путешествии из Англии через Россию в Германию и Голландию. Архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, нив. № 154–155, стр. 119.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. «Сношения России с Персией», № 77, д. 1/1715, июль. 1718–20, VII. Журн. Собственноруч. полк. Арт. Волынского, д. 553.

ее район славились своим виноделием. Шемахинцы из обильного винограда делали вкусное вино. О богатстве Шемахи можно судить и по тому, что персидские захватчики, обирая Ширван и его столицу, получали в год «80 000 рублей»⁴⁸.

Очень интересные сведения о Гандже дает путешественник Корнелий де-Брюин: «Город Ганджа в 50 лье длины от Шемахи. В 4 раза больше последней, в ней много каменных зданий, большинство в два этажа. Красивые широкие улицы, красивые базары и большие караван-сарай. Большой обширный дворец губернатора (беглярбека); через город протекает красивая река; в нем много садов, хорошее вино, изобилие фруктов... Так что город может считаться одним из значительнейших в Персии. Эти сведения доставил мне один французский священник, живущий в этом городе, и несколько грузин...»⁴⁹.

Важную роль в Азербайджане играли также города Баку, Куба, Шеки и Ардебиль. Особое внимание купцов и путешественников привлекал Баку со своими нефтяными колодцами и соляными промыслами.

Еще в конце XVII в. Баку посетил академик Кемпфер, подробно описавший бакинские источники нефти. Вслед за ним сюда прибыл Ханвей, а затем и Лерх, рассказавший в своих записях о развитии нефтяного промысла в Баку⁵⁰.

Добыча нефти к рассматриваемому периоду в отдельных местах уже не была частным промыслом; нефть отдавалась шахскими властями на откуп отдельным предпринимателям⁵¹, так же как и соляной промысел.

---

⁴⁸ Там же, д. 2/1715–VII, 1718. Журн. Собственноруч. полк. Арт. Волынского, л. 553.

⁴⁹ Цитируется по кн. В. И. Левиатова «Очерки из истории Азербайджана в XVIII в.», стр. 27.

⁵⁰ И о г а н Л е р х. Первое путешествие, стр. 32. Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, нив. № 7–66.

⁵¹ АКАК, т. II, доп. к 1-му тому, д. № 4, стр. 1077.

Обращали на себя внимание и такие полезные ископаемые, как серебряные, железные и особенно свинцовые руды, большие запасы белого камня, напоминающего мрамор, в Тавризском вилайете, соль в озерах по берегам Каспийского моря, в частности на Апшеронском полуострове, и, наконец, селитра («понеже около сего места множество селитры»⁵²), потребность в которой особенно возрастала в связи с войнами.

«Экономические эпохи, – пишет К. Маркс, – различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»⁵³.

Сельское хозяйство находилось на самом низком уровне развития; основным сельскохозяйственным орудием была соха (хыш) и изредка плуг. В домашних и отхожих промыслах (переработка продуктов сельского хозяйства, нефтедобыча, соляное дело, рудокопство) царила феодальная замкнутость, отсталость и низкая техника.

Торговля также не выходила за рамки феодальной ограниченности: рынки оставались провинциальными; торговый капитал почти не вмешивался в производство, натуральная форма хозяйства была господствующей.

Таким образом, можно констатировать, что в Азербайджане начала XVIII в. пережитки дофеодальных отношений еще сохранились. Азербайджан оставался страной отсталых феодально-патриархальных отношений. Продуктовая рента была основной формой феодальной эксплуатации.

Землевладение в основном делилось на следующие виды: 1) дивани – земли государственные или казенные, принадлежащие дивану; они управлялись центральным ведомством, и доходы с них шли на обеспечение шахского двора, армии и другие

---

⁵² Журнал Волынского, л. 559. Цитируется по кн. З. П. Лысцова «Персидский поход Петра I, 1722–1723 гг.», стр. 23.

⁵³ К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 187.

государственные нужды, 2) хасе-и-шерифе – земли, принадлежащие шахской фамилии; 3) тиул – условная форма землевладения, связанная с отбыванием феодальной службы; 4) мюль к – частная собственность на землю, передаваемую по наследству, не связанная с обязанностью нести государственную службу; мюлькадар (владелец мюлька) имел право продавать свою землю, передавать ее другому лицу, завещать и т. д.; 5) вакф – земли, принадлежащие мусульманским духовным учреждениям – мечетям, пирам, оджагам. Вакфные земли находились на особом положении и не облагались налогами и повинностями в пользу центральной власти.

Кроме этих форм землевладения, было еще общинное земледользование – «джамаат торпагы». Община являлась одной из причин медленного развития экономической жизни Азербайджана.

Эксплуатируемую массу в основном составляли: крестьяне, илаты, ремесленники. Крестьянство делилось на райятов и раджбаров. Основной эксплуатируемой категорией крестьян были многочисленные райяты.

Господствующий класс состоял из светских и духовных феодалов. В число светских феодалов входили бегляр-беки, ханы, султаны, мел ими, беки, агалары. Духовные феодалы были из числа высшего, среднего и мелкого духовенства: шейх-алислам, кази, шейхи, ахунды, эффенди и муллы; ханы, султаны и мелики были в основном наследственными правителями.

Беки делились на владетельных и служилых; последние несли военную, административную службу у беглярбека, хана или султана.

Определенное место в феодальной иерархии занимал ага (в русской транскрипции иногда пишется агалар). Термин «ага», под которым подразумевается феодальная знать, был более распространен в Борчахале и Казахе.

В привилегированное сословие входили также маафы. «В Закавказье в XVI–XVIII вв. маафами называли как представителей класса феодалов, освобожденных от всех налогов и повинностей в пользу дивана, так и частных землевладельцев взамен обязанности нести военную службу»⁵⁴. Маафами в широком смысле слова назывались лица, освобожденные от податей и повинностей.

В первой половине XVIII в. в Азербайджане существовали различные виды и формы податей и повинностей. Самым распространенным из них был малуджехат (бахра).

Широкое распространение при шахе Гусейне получило взяточничество, система открытого торга административными должностями.

Подати и повинности, налоги и взятки тяжелым бременем ложились на плечи широких слоев населения Азербайджана и в первую очередь на плечи трудового крестьянства, обрекая его на голод и нищету.

В начале XVIII в. территория Азербайджана делилась на беглярбекства во главе с иранской администрацией: Гянджинское, Ширванское и Южноазербайджанское с центром в Тебризе.

Хотя беглярбеки официально подчинялись центральной шахской власти, однако, по словам А. Волынского, это подчинение носило порой формальный характер⁵⁵. Ширванский беглярбек Кехосров-хан в 1715 г., собрав у ширванцев 200 тысяч туманов налога, вместо того, чтобы сдать их в шахскую казну, больше половины оставил у себя⁵⁶.

⁵⁴ И. П. Петрушевский. Персидские официальные документы XVI – начала XIX вв. как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. Проблемы источниковедения, т. III, изд. АН СССР. 1940, стр. 39.

⁵⁵ Журнал посланника Волынского 1715–1718 гг. в кн.: Е. Зевакин. Ук. соч., ИООИА, № 8, вып. 4, Баку, 1929, стр. 6.

⁵⁶ Там же.

В начале XVIII века, равно как и в последующем, шахская власть была бессильна преодолеть феодальную децентрализацию. Обогащение и политическое возвышение феодальных правителей и как результат этого уменьшение поступлений в шахскую казну из провинций являлись прямым следствием слабости центральной шахской власти. В конце XVII – начале XVIII вв. казна Сефевидского государства была почти опустошена. Доходы не покрывали возросших расходов центральной шахской власти и самого шаха. Для того чтобы выйти из положения, шахские власти стали облагать новыми налогами подвластные области и в первую очередь Азербайджан. Усилилось ростовщичество, росло разорение крестьянских хозяйств⁵⁷.

А. Волынский говорит о грабительской политике шахских властей в Азербайджане, которая привела страну к голоду и нищете⁵⁸.

Разорительная налоговая политика усиливала общий хозяйственный упадок страны, а хозяйственный развал привел к разложению и военно-политическому упадку Сефевидского государства.

Свирепствовавшие в первой четверти столетия голод, нищета и хозяйственная разруха еще больше усиливали ненависть народных масс Азербайджана к иранским захватчикам. Все это привело в начале XVIII в. к народным выступлениям против иранского владычества.

Израил Ори в письме к Петру I от 20 сентября 1720 г. сообщал о выступлении, происходившем в Шемахе: «Шемахинцы же пребывают в смятении с крестьянами, и у них (т. е. феодалов. – А. А.) много за несколько время деревни пожгли и пограбили»⁵⁹. Подобные же сообщения мы находим Волын

⁵⁷ Журнал посланника А. Волынского 1715–1718 гг. в кн. Е. Зевакина «Азербайджан в начале XVIII века», ИООИА, № 8, вып. 4, Баку, 1929,

⁵⁸ Журнал А. Волынского 1716–1718 гг., ЦГАДА, ф. «Сношения Персии с Россией», д. 6, л. 18.

⁵⁹ Г. А. Эзов. Сношение Петра Великого с армянским народом, (перевод

ского, который, проезжая через азербайджанские города, писал о волнениях и недовольстве народных масс⁶⁰.

В 1715 г. произошли выступления в Тебризе, в 1717 г. – Гилъне и на Мугани. Выступление на Мугани носило характер неподчинения шахской власти. «Муганцы... управите у себя имеют хама, – свидетельствует современник, – которые присылаются к ним от шаха из знатных персиан, однако же в прошлом 1717-м году они его не приняли и выбрали из своего народа управителя (которой по-персидски называется кален-тарь); также и в протчем во всем уже учинились указам шаховым противны и многие персидские партии разжли. И тако остались... и кочуют между двух рек, Аракса и Куры, где персианам достать их невозможно...»⁶¹.

Касаясь положения иранского государства в начале XVIII в., Вольтер пишет, что оно «накаляется до того, что... от всех бунтовщиков обороняться не могут и уже мало места осталось, где бы не было бунта»⁶². В одном архивном документе о положении в Иране начала XVIII в. говорится: «...измученный и разоренный народ роптал и волновался...»⁶³.

В борьбе против иранского владычества в Азербайджане первой четверти XVIII в. зарождалась надежда найти в лице России ту силу, которая поможет освободиться от иранского ига.

Процесс разложения Сефевидского государства порождал у султанской Турции захватнические поползновения в отношении Азербайджана. Она готовилась к его захвату, стремясь превратить Азербайджан в плацдарм для дальнейших действий против России.

франц. письма № 162, присланного из Персии великому канцлеру от посланника Израила Ори). СПб., 1898, стр. 250.

⁶⁰ Журнал посланника А. Вольтера 1715–1718 гг. в кн. Е. Зевакина «Азербайджан в начале XVIII века», ИООИА, № 8, вып. 4, Баку, 1929, стр. 17.

⁶¹ Там же, стр: 13.

⁶² Журнал А. Вольтера 1715–1718 гг., ЦГАДА, ф. «Сношения Персии с Россией», д. 6, л. 10.

⁶³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 12.

Глава вторая

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА В 20-х ГОДАХ XVIII в.

1. ОБСТАНОВКА НАКАНУНЕ ВХОЖДЕНИЯ ПРИКАСПИЯ В СОСТАВ РОССИИ

Ослабление Сефевидского государства послужило одной из предпосылок для осуществления захватнических планов султанской Турции в отношении Закавказья. Богатые области Азербайджана с давних пор привлекали ее. Кроме того, Турция всегда стремилась расширить свои владения до берегов Каспийского моря и тем самым захватить контроль над транзитной торговлей с восточными странами, установить турецкое господство на столь выгодном и важном участке международной торговли, каким был Азербайджан. Однако на пути осуществления этих планов стояла Россия, интересы которой были несовместимы с турецкой экспансией в Азербайджане, в частности в его прикаспийских провинциях.

Следует отметить, что захватнические планы Турции не всегда оставались безрезультатными. В рассматриваемый нами период, как уже было сказано, Азербайджан был охвачен широкой волной антииранского движения. Пользуясь этим, протурецки настроенные феодалы активизировали свою деятельность.

До сих пор в исторической литературе, в том числе в трудах наших советских историков⁶⁴, выступление отряда Али Султана расценивалось как борьба народных масс Азербайджана против иранских захватчиков. Однако историки, стоявшие на такой точке зрения, не заметили протурецкой реакционной сущности и бандитского антинародного характера выступлений Али Султана и Гаджи Дауда.

Армянский историк Хасан Джалалян (Есаи Католикос) отмечает, что Али Султан и его шайка своими «ежегодными набегами опустошали области на том берегу реки Куры; области Шекинскую, Капала [Кабала]... до окрестностей города Шемахи, а на этой стороне области Казаха, т. е. Агстева [Актафа] и страну Амир-Шамшадия, т. е. Заками [Закям] и также долины рек: Ганджа–Пасана, т. е. Шамхор, также много сел в районе Партава; они вырезали население сел, лежавших в равнинах... превращали их в пустыню; уцелевшее население скрывалось в горах и пещерах Арцаха»⁶⁵.

В другом месте Хасан Джалалян подробно останавливается на разбойничьих набегах Али Султана, совершенных в 1721 г. на азербайджанские города. «Тот же Али Султан в 1170 году (1721), собрав... многочисленное войско не менее 8000 человек, пришел к городу Гандже и вступил с войском на находящуюся около селения, именуемого Сутокулах, площадь (Худжан), куда его пропустили горожане. Когда же... войско вступило на улицу города, тогда поднявшиеся горожане преградили ему дорогу с той и другой стороны и перебили до тысячи двадцати одного человека, или около этого. Они же ничего не могли им причинить и двинулись обратно, ушли со стыдом к своим позициям»⁶⁶.

⁶⁴ См. макет Истории Азербайджана, изд. 1941 и 1946 гг.

⁶⁵ Х а с а н Дж а л а л я н . История стран Агван. Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 800 (перевод с армянского), стр. 14.

⁶⁶ Там же.

Приведенные факты совершенно ясно свидетельствуют о грабительском, антинародном характере «выступлений», возглавляемых Али Султаном. Народные массы, защищаясь, обороняли свои города от этих бандитских шаек, поддерживаемых турецкими властями. Не случайно в 1725 г. во время господства турецких захватчиков в Азербайджане Али Султану фирманом султана Ахмеда III было пожаловано Арешское владение⁶⁷.

Протурецкая политика Али Султана, Гаджи Дауда и Сурхай-хана не отвечала интересам народных масс Азербайджана, боровшихся против иранского владычества. Выступления этих феодалов не могли быть связаны с освободительным движением против иранских и турецких захватчиков.

Лишенные поддержки народа, отряды Али Султана, Сурхай-хана и Гаджи Дауда были разбиты войсками иранского шаха. Гаджи Дауд был схвачен и посажен в дербентскую тюрьму. Но вскоре (в 1720 г.) группа дагестанских феодалов освободила его. Воспользовавшись выступлением афганцев и окончательным падением Сефевидского государства, Гаджи Дауд и Сурхай-хан попытались захватить Ширван и 10 августа 1720 г. осадили Шемаху. По этому поводу Хасан Джалалян пишет: «...16 августа 1171 года (1720 года) все три племени лезгин вместе со своими главарями Сурхаем, Шамхалом Йеменом Хаджи Давудом, Али Султаном подошли к городу Шемаха, вели в течение 8 дней ожесточенные сражения, но взять его не смогли»⁶⁸.

Стойкое сопротивление шемахинцев заставило Сурхай-хана, Гаджи Дауда и Али Султана снять осаду. Через год турецкие наймиты снова осадили город и в течение 20 дней вели

⁶⁷ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 774–776. Фирман султана Ахмеда III на имя Али Султана. В источнике Али Султан именуется Мухаммад-Али-Султан заде.

⁶⁸ Х а с а н Дж а л а л я н . Ук. соч., стр. 19.

кровапролитные сражения с защитниками Шемахи. Город был разгромлен⁶⁹. Ограблению подвергалось не только местное население, но и русские купцы, убытки которых составили до миллиона рублей⁷⁰. Один только русский купец Евреинов потерпел убыток в размере 170 000 рублей⁷¹.

Не ограничившись опустошением Шемахи, отряды Гаджи Дауда и Сурхай-хана совершили грабительские набеги и на другие города и села Азербайджана. Набеги сопровождалась грабежом и насилием над мирным населением. Хасан Джалалян, описывая злодеяния этих протурецких феодалов во время нашествия на южные районы Карабага, пишет: «В 1722 году 24 марта, напав на них (жителей), они в течение 3-х дней резней и уводом в плен населения превратили в пустыню эту густонаселенную изобилующую скотом область»⁷². Далее он отмечает: «Отряды Гаджи Дауда и Сурхай-хана в течение одного дня, начиная от реки Каркара до реки Чараберда, произвели сплошное опустошение. Сначала они сожгли деревянные дома и жилища крестьян, потом напали на жителей, сбрасывали их с горных вершин, вытаскивали из пещер, из лесных чащ, из зарослей кустарника, уводили в плен. Это мы видели своими глазами. Это случилось в 1171 (1722) году 20-го апреля в день первого воскресения после пасхи»⁷³. Забрав добычу и пленных, отряды Гаджи Дауда и Сурхай-хана «стали лагерем у моста Кара-Керпи – на берегу реки Тер-тер. Здесь они встретили яростное сопро-

⁶⁹ Письмо Волынского Петру I, каб. Петра Великого, СПб., кн. 64, л. 641 (цитир. по книге В. П. Лысцова «Персидский поход Петра I 1722–1723», стр. 67).

⁷⁰ С. М. Соловьев. Петр Великий на Каспийском море. «Вестник Европы», № 3, 1868, стр. 172.

⁷¹ А. Н. Попов. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. СПб., 1853, стр. 163.

⁷² Хасан Джалалян. У к. соч., стр. 21.

⁷³ Хасан Джалалян. Ук. соч., стр. 22.

тивление жителей, поэтому спешно переправили через великую реку Куру добычу и пленных, а сами поспешили напасть на гор. Ганджу»⁷⁴.

Где бы ни появились банды Сурхай-хана и Гаджи Дауда, народные массы Азербайджана, защищая свои города и села, оказывали им упорное сопротивление. Ярким примером этого является оборона Ганджи: Сурхай-хан и Гаджи Дауд «обложили город и держали его в осаде 12 дней или около этого, но ничего не могли сделать, ибо горожане оказали им сопротивление»⁷⁵.

Характерно, что оборона Ганджи от турецких наймитов стала общим делом братских народов Закавказья. В самые тяжелые дни осады жители Ганджи – азербайджанцы и армяне – обратились за помощью к грузинокому царю Вахтангу VI, который со своим войском поспешил к Гандже⁷⁶. Кроме того, сюда прибыли на помощь армянские отряды карабахских меликов. Отряды Гаджи Дауда и Сурхай-хана вынуждены были снять осаду и уйти в Дагестан.

Не увенчались успехом и неоднократные попытки Гаджи Дауда и Сурхай-хана захватить Баку. Начиная с 1720 г. до прихода русских войск, т. е. по 1723 г., бакинцы упорно защищали свой город от набегов этих разбойничьих отрядов⁷⁷.

После всего сказанного странно звучит утверждение В. П. Лысцова о том, что «в борьбе с персидским господством Давуд-бек и Сурхай-хан опирались на стремление народных масс (крестьян) с целью свержения персидских феодалов»⁷⁸.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ История армянского народа. Айпетрат-Ереван, 1951, стр. 247.

⁷⁷ Кабинет Петра Великого, СПб., кн. 63, л. 717.

⁷⁸ В. П. Лысцов. Персидский поход Петра Первого 1722–1723 М., 1951, стр. 104.

В борьбе с протурецкими феодалами усилилось и укрепилось желание азербайджанского населения присоединиться к России. Это создавало благоприятные условия для осуществления экспансионистического плана Петра I, упрочения положения России на Каспийском море и противодействия захватническим проидам Турции в Закавказье.

Стремясь воспрепятствовать турецким попыткам захватить Азербайджан, Россия вела искусную политику на Востоке, в частности в отношении Ирана. Даже во время присоединения прикаспийских областей Азербайджана Россия не прекращала дипломатических сношений с Ираном.

Петр I, учитывая огромное значение Каспийского моря в торговом и военном отношениях, стремился прочно обосноваться здесь. Россия имела целью сконцентрировать здесь всю индоевропейскую торговлю.

Внешняя политика Петра I образно охарактеризована Энгельсом, который писал, что «Петр Первый... вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики... по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше»⁷⁹.

Российское правительство еще в начале XVIII в. готовилось к присоединению прикаспийских провинций Азербайджана и Гиляни с этой целью составило план изучения этих районов и внимательно следило за событиями в Иране и Азербайджане.

В 1715 г. Петр I отправил в Иран полковника Артемия Волынского, который регулярно информировал его о положении в Иране и особенно в Азербайджане. Волынский советовал Петру I высадить десант на берегах Каспийского моря и в первую очередь «захватить Шемаху и Дербент»⁸⁰, под тем предло-

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2, М., 1936, стр. 12.

⁸⁰ С. М. Соловьев. Петр Великий на Каспийском море. «Вестник Европы», 1868, № 3, стр. 171.

гом, что «занятия прикаспийских областей русскими желает отчасти и сам шах, потревоженный бунтовщиками»⁸¹.

Получив соответствующие сведения, Петр I усилил подготовку к походу. В начале 1719 г. он послал поручика флота фон Вердена и лейтенанта Федора Соймонова исследовать морские берега, гавани и реки от устья Волги до Астрабада. Знаменательно, что, проезжая через Астару, они были тепло встречены местным населением. Правитель Астары, узнав о цели их экспедиции, заявил, что ему «будет весьма приятно видеть Вас у себя, как давно знакомых приятелей...»⁸².

Одновременно «Баскаков должен был ехать из Астрахани в Персию сухим путем на Шемаху, Апшеронский полуостров и Гилян, осмотреть, насколько удобны эти местности для прихода войск, а также разузнать обо всем, что касается путешествия в Персию»⁸³.

После тщательной военно-дипломатической подготовки Петр I приступил к осуществлению своего плана по отношению прикаспийских провинций Азербайджана и Гиляна, дав указание подготовить флот и военные части для похода.

Западноевропейские державы, в первую очередь Англия и Франция, были весьма обеспокоены этими приготовлениями. Французский посол в Петербурге де Кампредон, сообщая о намерениях России министру иностранных дел Франции в своем донесении от 20 марта 1722 г. писал, что Петр «хочет иметь для безопасности своей торговли порт и крепость по ту сторону Каспийского моря и желает, чтобы шелка, которые посылались обыкновенно в Европу через Смирну, шли отныне на Астрахань и Петербург. Здесь (в Петербурге. – А. А.) даже льстят себя

⁸¹ В. В. Комаров. Ук. соч., стр. 564.

⁸² В. Лебедев. Западный берег Каспийского моря при Петре Великом. Журнал Мин-ва просвещения, 1848 (июль), стр. 15.

⁸³ «Русский Вестник», М., 1874, т. 110, стр. 34.

надеждой, что шах, испугавшись войны, согласится уступить все это русским за обещание их помочь в подавлении восстания»⁸⁴. В июле 1722 г. де Кампредон заявил, что царь настолько торопился, что вряд ли с какой-нибудь державой вступит в союз.

Поход русских войск в Азербайджан французская дипломатия называла «шемахинской экспедицией»⁸⁵ и горячо желала ей неудачи. «Если экспедиция будет несчастлива, ...турки выступят против нее»⁸⁶, – писал Дюбуа, особо подчеркивая, что дальнейшее продвижение русских войск приведет к утверждению власти Российского государства на Каспийском море⁸⁷.

В разжигании войны между Турцией и Россией была весьма заинтересована Австрия, надеявшаяся, что это помешает укреплению позиций России в Европе. «Оба двора, т. е. английский и австрийский, сильно хлопчат об этом»⁸⁸.

Английский, французский и австрийский послы при дворе султана распространяли различные слухи, стремясь спровоцировать турецко-русскую войну. Россия со своей стороны через посла в Константинополе Неплюева всячески опровергала их, не желая разрыва дипломатических отношений с Турцией и преждевременного разоблачения ее планов. Когда летом 1722 г. до Турции дошла весть о том, что Россия направляет 105-тысячную армию в Астрахань и 30-тысячную армию на Украину, российское правительство потребовало от Неплюева, чтобы он решительно доказывал ложность этих сведений. В одном из документов по этому поводу говорится: «Писано к ре-

⁸⁴ Сб. ИРИО, т. 49, СПб., 1885, стр. 83.

⁸⁵ Донесение де Кампредона от 3 апреля 1722 г., ИРИО, т. 49, стр. 85.

⁸⁶ Сб. ИРИО, т. 49, 1885, стр. 83.

⁸⁷ Там же,

⁸⁸ Сб. ИРИО, т. 49, СПб., 1885. Донесение де Кампредона кардиналу Дюбуа от 19 октября 1722 г., стр. 244.

зиденту Неплюеву, чтобы он сии ведомости фальшивые пристойным образом опровергал, объявляя, что столь великое число войск в Астрахань не пошло, но отправлена туда некоторая часть оног... и что такожде на Украине войска не прибавлено»⁸⁹.

Англия решила во что бы то ни стало добиться обострения отношений между Турцией и Россией и помешать вхождению прикаспийских областей Азербайджана и Гиляна в состав России. Дело в том, что, стремясь монополизировать торговлю шелком в Азербайджане и Гиляне, англичане пытались организовать там специальную кампанию. Английское правительство опасалось, что Россия, укрепившись в прикаспийских областях, в дальнейшем явится серьезной помехой для торговой монополии Англии на Ближнем Востоке. Поэтому оно всеми мерами стремилось столкнуть Турцию с Россией и руками турок устранить своего конкурента.

В донесении от 18 июня 1722 г. Неплюев сообщал, что английский посол в Константинополе, стараясь разжечь вражду к России, во время беседы заявил турецкому визирю, что Россия, усиленно готовится к войне против Турции⁹⁰. В ответ Неплюев получил из Петербурга срочное указание: «Сие все неправда и английский посол иное неимеющий злобе короля своего к его императорскому величеству то вымышляя фальшиво разглашает, чтобы он Неплюев то и другое подобные тому впредь случившиеся разглашения опровергал и уничтоживал и внушал Порте о всех противниках короля английского к его императорскому величеству поступках, которые каким образом от оног начались и доньне продолжаютя, а для того Порте никаким представлениям и внушениям с английской стороны веры не подавала»⁹¹.

⁸⁹ Архив ВПР, ф. «Сношения России с Персией» (далее – Перенд.), оп. 77/1, 1722, д. 7, лл. 89–90 (об.).

⁹⁰ Архив ВПР, ф. Перенд., оп. 77/1, д. 7, 1722, лл. 89–90 (об.).

⁹¹ Там же.

Вопреки желанию европейских держав Россия действовала осторожно, чтобы не нарушить существующего мира с Турцией⁹². Однако, несмотря на неоднократные опровержения Неплюева, английский, венецианский и немецкий послы оказывали давление на турецкое правительство, распространяя слухи об отправке 100-тысячного войска в Персию.

Тем не менее Неплюеву удалось обнадежить Турцию, что Россия готова разрешить конфликт по вопросу Закавказья мирным путем. Ошеломленный этим известием французский посол в Константинополе Маркиз де Бонак писал в Петербург послу де Кампредону: «Однако же кажется мне, что Порта zelo довольная обнадеживаниями, которые царь велел ей учинить о желании, дабы упредить всякие ссоры на границе. Министры султановы обретаются в той же диспозиции»⁹³.

Несмотря на все старания европейских держав, дипломатического разрыва между Турцией и Россией не произошло. Однако политическая обстановка по-прежнему была напряженной.

В результате энергичной деятельности русской дипломатии турецкое правительство решило заявить о своем-невмешательстве в иранские дела и замаскировать свои захватнические цели. Турецкий султан объявил русскому послу, что он, «будучи в мире с Персией, не окажет помощи бунтовщикам», что «Турция отказывается от помощи шаховой, которого почитает за еретика⁹⁴, против бунтующих князей»⁹⁵.

Однако русскому правительству вскоре стало известно, что вопреки всем заявлениям о невмешательстве Турция стягивает

---

⁹² Там же.

⁹³ Архив ВПР, ф. Персид., оп. 77/1, д. 7, 1722, лл. 98–100.

⁹⁴ Называя иранского шаха «еретиком», турецкий султан имеет в виду его принадлежность к шиитскому течению мусульманской религии.

⁹⁵ АВПР, ф. персид., д. 7, 1722, лл. 99–100.

войска к Закавказью, ожидая удобного случая для захвата его. Наконец, повод нашелся: в начале осени 1722 г. турецкое правительство, обвинив жителей Тифлиса в надругательстве над турецкими подданными, приказало главнокомандующему своими войсками в Эрзеруме с 15-тысячным войском вторгнуться в Грузию.

2. ВХОЖДЕНИЕ ПРИКАСПИЙСКИХ ОБЛАСТЕЙ В СОСТАВ РОССИИ

В 1722 г. Петр I отправился на юг и возглавил поход в прикаспийские области, оставив в Петербурге для управления графа Головкина, которому с целью предостережения от турок приказал: «...если турки за нанесенные от Персии русским обиды объявят свое посредничество, доносить нам, чтобы выиграть время; потом, смотря по обстоятельствам, приготовить им и ответы. Когда турки вступятся за Персию и ее бунтовщиков, чтобы со стороны России никаких важных действий в персидских владениях не производить, и что [если] в противном случае они сами объявят нам войну, то как можно обстоятельнее изложить им наше правое дело, о чем писать нам немедленно и объяснить, как предписано тамошнему резиденту, что поход принят не для войны, но для усмирения мятежников. Между тем, в предосторожность от татарских [речь идет о крымском хане] нападений заранее готовить войско со всеобщего совета»⁹⁶.

Из документов видно, что правительство Петра I старалось придать походу карательное значение, ссылаясь на необходимость наказать грабителей русских купцов в Шемахе. Вместе с тем оно стремилось обезопасить кавказские границы империи от крымских татар и турок.

---

⁹⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, т. XVI–XX, стр. 679–680.

Российское правительство одновременно вело успокоительные дипломатические переговоры с иранским правительством. 25 июня 1721 г. через консула Авраамова оно передало центральной власти Ирана следующее: «мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали, и ежели им, персидскому правительству, при сем крайнем их разорении надобна помощь, то мы им можем очистить от всех неприятелей и паки утвердить постоянные владения персидские»⁹⁷.

Россия предлагала Ирану принять предложение о присоединении к ней прикаспийских провинций Азербайджана. Так как «нам [России] крайняя нужда будет берегами по Каспийскому марию овладеть, понеже турков тут допустить... невозможно, и так они, пожалел части, потеряют все государство»⁹⁸.

Перед началом похода в прикаспийские области Петр I выпустил специальное обращение к населению Азербайджана и Дагестана, в котором говорилось: «Давуд-бек, князь лезгинский, и Сурхай, князь Казыкумыкский, взбунтовавшись против своего государя, взяли приступом Шемаху, ограбили жителей и убили находившихся там русских купцов, хотя... губернатор не получил удовлетворения, хотя мы со своей стороны отправили посланника к шаху, но до сего времени мы не получили удовлетворения шах персидский не имеет столько силы, дабы наказать мятежников, а потому мы сами приходим сюда. Кто останется на своем месте, тот не получит никакой обиды от нашего войска.

Участники же этого возмущения и те, которые оставляют свои жилища, подвергнутся нашему монаршему гневу»⁹⁹.

Дербентский наиб Имам Гули-султан от имени жителей Дербента изъявил желание присоединиться к России. Петр I «по-

⁹⁷ С. М. Соловьев. Ук. соч., стр. 679–680.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ А. К. Бакиханов. Ук. соч., стр. 108.

слал в Дербент полковника Наумова с поручиком и 12-ю донскими казаками»¹⁰⁰. Дербентцы отнеслись к посланнику весьма дружелюбно¹⁰¹. 23 августа 1722 г. русские войска без сопротивления заняли Дербент¹⁰². Однако на пути к городу им пришлось преодолеть сопротивление феодалов – султана Махмуда и уцмия Каракайтагского¹⁰³.

Участник этого похода подполковник Гербер сообщает, что Дербент являлся торговым городом: «В Дербенте много купеческих людей из персиянов, армянов, грузинов и индийцев»¹⁰⁴.

Основная задача России заключалась в том, чтобы «овладеть Баку, итти к реке Куре, при устье которой заложить большой купеческий город для торговли с Грузией, Арменией, Персией, Индией, потом продолжить путь от упомянутой реки к Тавризу»¹⁰⁵.

Осуществлением этого плана российское правительство стремилось укрепить позиции России на этом стратегическом участке, овладеть важными хозяйственно-экономическими районами, создать благоприятные условия для русской торговли.

Появление русских в прикаспийских областях оказало сильное впечатление на народы Закавказья, которые стремились с помощью России освободиться от турецкого и иранского ига. Накануне русского похода грузинский царь Вахтанг VI, уверенный в том, что армяне и азербайджанцы стремятся к самостоятельности, писал Петру I, что он едет в Гянджу, чтобы

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, лл. 6 и 7 об.; история, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958, стр. 85.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² В. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728, стр. 203.

¹⁰³ ЦГВИА, ф. ВУЛ, д. 1539, лл. 6–7.

¹⁰⁴ И. Г. Гербер. Ук. соч., стр. 86.

¹⁰⁵ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. VIII, М., 1939, стр. 263–264.

присоединить к своим войскам армян и азербайджанцев¹⁰⁶. Вступив навстречу русским войскам, Вахтанг VI двинулся к Гяндже и расположился там лагерем.

Азербайджанцы неоднократно обращались к Петру I с письмами, в которых просили помощи в освобождении от иранского ига и прежде всего от преследований Сурхай-хана и Гаджи Дауда. В обращении бакинских и дербентских жителей к Петру I говорится: «чтобы сии злодетели [Гаджи Даул и Сурхай-хан] как наискорее к достойному наказанию приведены, а мы бедные милосердным вашего величества охранением взысканы были»¹⁰⁷.

Многие дербентцы, жившие в Ширване, бежали от преследований Гаджи Дауда и Сурхай-хана к русским. Так, 23 августа 1722 г. в Дербент прибыл некий Муртуза Гулу. Он попросил покровительства русских и рассказал о нападении на Шемаху Сурхай-хана и Гаджи Дауда, а также о том, как со стороны «тамошних жителей, молодых людей было оказано сопротивление» и как суннитское духовенство помогало Сурхаю и Дауду¹⁰⁸.

Из архивных документов известно также, что «того же числа при Дербенте же явился другой дербентский житель Мурад-Али и сказал, как он слышал, что войска его императорского величества маршируют близко, то пришел он к его величеству поклониться»¹⁰⁹.

Будучи в Дербенте Петр I принял нескольких человек из Шемахи и Баку, рассказавших о злодеяниях Гаджи Дауда и Сурхай-хана. Они сообщили, что жители Баку и Шемахи желают

¹⁰⁶ Переписка на иностранном языке грузинских царей с русскими государями от 1639 до 1770 гг., СПб., 1861, стр. 140.

¹⁰⁷ Архив ВПР, ф. Персид., оп. 77/1, 1722, д. 20, лл. 2–2а.

¹⁰⁸ Архив ВПР, ф. Персид. оп. 77/1, 1722, д. 18, лл. 57–58.

¹⁰⁹ Там же.

быть под властью России¹¹⁰. «Население, живущее около Каспийского моря, – говорится в документе, – ни о чем так не мечтает, как о том, чтобы москвиты как можно скорее пришли и освободили его от ига Персидской монархии»¹¹¹.

Таким образом, приведенные факты подтверждают, что жители прикаспийских областей Азербайджана были заинтересованы во вхождении в состав России.

Русским интересам служила и группа феодалов. За верную службу «дербентскому наибу Имам Гули-беку пожаловано от его императорского величества жалование, а именно... с алмазами ценою в 1400 рублей, да дано ему сверх того червонных 1000»¹¹². Аббас-бек Талышинский в письме к генералу Матюшкину предлагал и «впредь свои верные услуги»¹¹³.

Учитывая создавшиеся благоприятные условия, российское правительство решило завершить присоединение прикаспийских областей к России.

В связи с тем, что в восточной политике России Баку играл весьма важную роль, Петр I решил безотлагательно занять его. Из Дербента «Луинин был послан в Баку, чтобы склонить жителей к послушанию»¹¹⁴. Он вез с собой обращение Петра I. «Государь император, – пишет Т. Мелгунов, «как верный сосед и союзник шаха, пришел со своим войском только в том намерении, чтобы принять эти места в защищение от бунтовщиков. Дербентский наиб, приняв от его величества такую высокую милость, немало не медлил употребить оную в пользу города, потому и город Баку для своей безопасности принял россий-

¹¹⁰ Там же д. 24, лл. 54–66

¹¹¹ Очерки по истории стран среднего Востока, МГУ, 1951, стр. 1–2.

¹¹² Архив ВПР, ф. Персид., оп. 77/1, д. 13, лл. 102–103.

¹¹³ Кабинет Петра Великого, II, кн. 63, л., 477.

¹¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, лл. 6 и 7 об.

ский гарнизон, который имеет быть снабжен провиантом и всякой потребностью из Дербента»¹¹⁵.

Бакинский султан, назначенный иранским шахом, отверг предложение о сдаче города. Тогда русское командование решило брать Баку силой, блокировав его со стороны моря.

В Гилян была отправлена экспедиция под командованием капитан-лейтенанта Соймонова. 18 ноября 1722 г. она стала на якорь недалеко от берегов Апшерона и начала «осматривание устья реки Куры»¹¹⁶. Вскоре генерал-майору Матюшкину был отдан приказ занять прикаспийские провинции и город Баку. Петр I хорошо понимал значение Баку для осуществления его дальнейших планов на Востоке. В письме от 4 октября 1722 г. Петр I приказывал Матюшкину: «с пятью судами фонверденовыми и с двадцатью бусами итти в Баку... на оных можно уместить людей 2000 человек и артиллерии не дожидаться казанских судов, а казанским – велеть после за собою следовать в Баку... тот достать, яко ключ всего нашего дела»¹¹⁷.

Продвижение турецких войск в 1723 г. в глубь Закавказья, в том числе в Азербайджан, вынуждало Петра I поспешить с присоединением Баку вместе с близлежащими землями к России. Интересно, что хотя Баку еще не был занят русскими войсками, Петр I в инструкции Матюшкину уже приказал укрепить Баку и прикаспийские области для защиты от турок, требуя держать в Дербенте и Баку гарнизоны по три тысячи человек¹¹⁸. Далее Петр I писал: «получена ведомость из Грузии, что турки оных уже принудили в подданство, и паша идет к Шемахе, зело опасно, чтобы не захватили Баку»¹¹⁹. После взятия города Петр

¹¹⁵ Г. Мельгунов. Поход Петра Великого в Персию. «Русский вестник», т. 110, 1874, стр. 43.

¹¹⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1639, лл. 11, И об., 12, 13, 16.

¹¹⁷ Там же, д. 1540, лл. 99, 98.

¹¹⁸ Там же, лл. 104–105.

¹¹⁹ Там же.

I писал Матюшкину 8 сентября 1723 г.: «Баку получили, ибо не без сомнения от турков»¹²⁰.

Для обеспечения безопасности Дербента российское правительство приняло ряд мер. В правительственной инструкции от 17 февраля 1723 г. русскому командованию по этому поводу говорится: «также, ежели услышите о турках, что хотят итти к Дербенту, тогда можете от крепости. В. С. взять солдат тысячи две или больше из тех, которые там на работе будут, прибавить морем»¹²¹.

Занятие Баку и завершение присоединения прикаспийских областей Азербайджана к России еще больше усилили вражду между ней и Турцией. Добиваясь юридического закрепления прикаспийских областей, Россия еще в 1722 г. начала дипломатические переговоры с шахом Тахмасибом, к которому Петр I отправил своего представителя со специальной грамотой¹²². 21 августа 1722 г. курьер Чеботаев вместе с консулом Авраамовым был у Тахмасиба¹²³. Получив грамоту Петра I, шах приказал послать к нему посла Исмаил-бека. Успокоенный этим, Чеботаев вместе с Исмаил-беком отправился в Астрахань¹²⁴. Однако после их отъезда шах передумал и решил не посылать Исмаил-бека в Россию. Курьера шаха, спешившего с приказом о возвращении Исмаил-бека, тайно перехватил консул Авраамов. С помощью подарков и хитростью он узнал о содержании шахского фирмана и задержал курьера до тех пор, пока Соймонов 1 января 1723 г. в полночь не отправил Исмаил-бека в Россию¹²⁵. В Петербурге между российским правительством и Исмаил-беком состоялись переговоры, заложившие основу договора

¹²⁰ Там же, л. 110.

¹²¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 104.

¹²² Архив ВПР, ф. Персид., 1722, д. 13, лл. 164–165 об.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же. оп. 77/1, 1722, д. 13, лл. 164–165 об.

¹²⁵ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, стр. 107.

между Россией и Ираном, заключенного в 1723 г., по которому Иран уступал России все земли от Дербента до Астрабада¹²⁶. Однако договор так и не был ратифицирован шахом.

Русские, заняв Гилян, не двинулись дальше, встретили сопротивление со стороны турок, «которые имели притязание, воспользовавшись упадком персидской державы, захватить ряд областей и вновь распространить на них, как в XVII веке, свою власть»¹²⁷.

Присоединив все западное побережье Каспийского моря от Астрахани до Решта, российское правительство приступило к осуществлению здесь своих экономических мероприятий. Так, был принят ряд мер с целью упорядочения хозяйственной эксплуатации присоединенных областей, в частности регламентация податей и налогов. В указе командующему русскими войсками генерал-майору Матюшкину предлагалось «единым словом, как владение, так и сборы всякие и всякую экономику в полное состояние привести»¹²⁸. Петр I велел пригласить из Венгрии мастера, «который и привел выделку в Дербенте красного и белого вина в хорошее состояние»¹²⁹. Кроме того, Петр хотел усовершенствовать производство шафрана; «образчики этого шафрана посылались ему впоследствии в Петербург в жестяных ящиках»¹³⁰. Овечья шерсть из прикаспийских областей Азербайджана поступала на русские суконные и шерстяные мануфактуры. Особое внимание уделялось Низабаду, где «была постоянная ярмарка между купцами русскими и туземными»¹³¹. «Из товаров русских продавались здесь сукна,

¹²⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 104.

¹²⁷ В. В. Бартольд. Место Прикаспийских областей в истории-мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 137.

¹²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 105. ,

¹²⁹ «Русский вестник», М., 1874, т. ПО, стр. 17–18.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же, стр. 17–18, 20.

полотна, нефть и разные мелочи: зеркала, иглы, наперстки»¹³². Русское комендантское управление решило обезопасить Низабад от грабительских набегов феодалов. «В Низабаде сделаны были на берегу шанцы... них находились команда драгун из Св. Креста и сто человек казаков»¹³³.

Джавадские и мушкюрские земли Азербайджана славились изобилием хлеба и шелками, но шелковые предприятия были уничтожены здесь во время междоусобиц. Поэтому Россия приложила все усилия к тому, «чтобы разоренные бунтовщиками шелковые фабрики вновь заводить»¹³⁴.

Генерал-лейтенант Матюшкин получил от царя «указ построить крепость ниже Сальяна на месте, осмотренном Соймоновым». Здесь Петр I хотел «учредить гавань и купеческое место, чтобы оно со временем могло быть первым купеческим городом для всего западного берега Каспийского моря»¹³⁵ и «торговым сборищем всего восточного купечества»¹³⁶.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Россия придавала серьезное значение прикаспийским областям, которые могли принести ей доходы: «Из Сальян откупных за рыболовство в устьях Куры 15 тысяч рублей, Баку – от продажи соли и нефти до 50 тыс. рублей, в Дербенте пошлины за входящие и выходящие товары до 1000 руб. в год »¹³⁷. Налоги собирали и натурой. Сальянцы платили подать «табаком, который растет у них изобильно; рыбная ловли в устьях Куры отдавалась на откуп за 15 тыс. руб. в год»¹³⁸.

¹³² Там же, стр. 20.

¹³³ Г. Гербер. Ук. соч., стр. 207.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ П. Г. Б у т к о в. Ук. соч., стр. 69.

¹³⁶ Там же, стр. 161

¹³⁷ П. Г. Б у т к о в. Ук. соч., стр. 151.

¹³⁸ Там же, стр. 91.

Хотя Петр I, захватив прикаспийские области, стремился прежде всего получить большие доходы для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса, однако вхождение прикаспийских областей в состав России одновременно содействовало их экономическому развитию и гарантировало народные массы от грабежей и насилия иранских захватчиков и турецких наймитов.

3. ОБОСТРЕНИЕ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯ И РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Заключенный в 1720 г. в Константинополе трактат о «вечном» мире между Турцией и Россией не смягчил острых противоречий между этими державами по вопросам Закавказья, в том числе Азербайджана. Турция стремилась стать хозяином богатых азербайджанских земель и занять стратегически важные позиции на Кавказском перешейке. Для устранения турецкой опасности на юге страны Россия мобилизовала силы, чтобы закрепить за собой занятые в Закавказье позиции.

Однако Турция никак не хотела мириться, с вхождением прикаспийских областей Азербайджана в состав России и продолжала использовать в своих целях Гаджи Дауда и Сурхай-хана. Еще осенью 1721 г. астраханский губернатор А. Волынский узнал от кабардинских князей, что эти феодалы «послали [письмо] к турецкому султану через крымского хана, чтобы он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи»¹³⁹.

Вслед за письмом Сурхай-хан и Гаджи Дауд отправили в Константинополь посольство в составе трех человек. Русский

¹³⁹ Письмо Волынского Петру I от 5 декабря 1721 г. Кабинет Петра Великого, кн. 54, л. 667 (Цит. по кн. В. Н. Лысцова «Персидский поход Петра I», стр. 107).

посол в Константинополе Неплюев, подтверждая это, заявил: «в Цареград прибыли 1-го сентября 1721 года лезгински, посольства в составе 3-х человек. Они [Сурхай-хан и Гаджи Дауд] во всем в послушание передают себя, в знак де чего деньги делаются на имя султанское»¹⁴⁰.

Турецкое правительство решило оказать поддержку своим подручным: в октябре 1722 г. оно открыто заявило об установлении протектората над Ширваном. Вслед за этим в конце 1722 г. султан отправил Гаджи Дауду знамя, 30 тыс. червонцев и свой фирман, присвоив ему звание паши и официально признав Ширван и Дагестан подвластными Гаджи Дауду под протекторатом Турции. Сам Гаджи Дауд был уравнен в правах с крымским ханом. Султан приказал ему вытеснить русских из прикаспийских областей¹⁴¹, а зимой следующего года отправил на помощь Гаджи Дауду войска с артиллерией¹⁴².

Турецкие власти, подстрекаемые Англией и Францией, стали готовиться к войне против России. Английский посол в Константинополе продолжал внушать султану, что «русский государь умен и турок обманывает миром, теперь возьмет персидские провинции, и если Султан не воспрепятствует ему в этом оружии, то он с той стороны нападет на Турцию»¹⁴³.

Неплюев тайно через турецкого переводчика установил, что английский посол направил турецкому султану ноту своего правительства, в которой, ссылаясь на сообщение прусского двора, отмечал, что якобы «правительство Петра первого собирает огромное количество войск и стремится распространить свои вла-

¹⁴⁰ Кабинет Петра Великого, II, кн. 59, л. 771.

¹⁴¹ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. XVIII, стр. 297–: 299. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 4, стр. 694.

¹⁴² Кабинет Петра Великого, II, кн. 656, лл. 675–676.

¹⁴³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XVIII, стр. 691.

дения до Черного моря»¹⁴⁴. «Порта, – говорилось в ноте, – должна беречься России, бороться с которой легко, ибо русский государь не в дружбе ни с одним из европейских государей»¹⁴⁵.

Франция, игравшая роль «посредника» между Турцией и Россией, фактически разжигала противоречия между этими государствами. «По-моему, царь слишком осторожен, – писал де Кампредон кардиналу Дюбуа в своем донесении от 29 января 1723 г., – чтобы начинать войну, которая даже, и при самом счастливом исходе все же значительно уменьшит его силу. Кавалерия, которую он брал с собою из Астрахани, вся расстроена и финансы его тоже очень плохи»¹⁴⁶.

Де Кампредон, говоря о военно-дипломатических приготовлениях Петра I, писал: «Поэтому очевидно, что теперь по крайней мере все продвижение войск производится единственно лишь с целью напугать турецкого посланника, которого везут сюда чрезвычайно медленно. Хотят тоже выиграть время, а вместе и показать, что не только не намерены подчиняться требованиям Порты, но и сознают себя в силах ей предписать законы»¹⁴⁷.

Английский посол, продолжая свою игру, стремился убедить султана, что «война с Россией не опасна, что внутри империи происходят омуты, что он завел сношения с человеком, который в случае войны может быть полезным для Турции»¹⁴⁸.

Англия постепенно переходила от уговоров к прямым угрозам и финансовому давлению. Ее посол предупреждал Турцию, что если султан с помощью оружия не остановит продвижения русских на Востоке, то «англичане и другие европейцы выедут

из Турции, к великому ущербу короны султановой»¹⁴⁹, а если Турция объявит России войну, «то получит денежное вспоможение от короля»¹⁵⁰.

Все эти интриги английской дипломатии привели к тому, что во второй половине 1723 г. русско-турецкие противоречия весьма обострились, а султан усилил подготовку к войне против России. Турецкое правительство сосредоточило у границ Грузии войска для вторжения, в то же время главные турецкие силы готовились напасть на Украину.

Турецкое правительство решило потребовать у России вывода ее войск из прикаспийских областей Азербайджана. «В противном случае Порта вынуждена будет вступить с ним [с русским правительством] за Персию в войну»¹⁵¹.

По указанию английских советников турецкий султан укрепил Эрзерум, Азов, привел свои войска в мобилизационную готовность и начал переговоры с Хивинским ханством о союзе в случае войны с Россией¹⁵².

Осенью 1722 г. всем пашам азиатских областей было приказано собраться в Эрзеруме, откуда под командованием эрзерумского паши надлежало «маршировать с тем войском в дагестанские земли»¹⁵³. Летом 1723 г. турецкие войска вторглись в Грузию (Картли) и захватили Тбилиси. Отсюда они направились в Азербайджан, к Шемахе, на соединение с отрядами Гаджи Дауда и Сурхай-хана.

Однако под Гянджой турки на некоторое время были остановлены объединенными силами азербайджанцев и армян. Потерпев в боях за Гянджу большой урон в живой силе, турецкие

¹⁴⁴ Сб. ИРИО. т. 52, СПб., 1886, стр. 695.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же, т. 49, 1885, стр. 295–296.

¹⁴⁷ Сб. ИРИО, т. 49, СПб., 1885, стр. 297.

¹⁴⁸ С. М. Соловьев. Ук. соч., т. XVIII, стр. 697.

¹⁴⁹ Там же, стр. 700.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ С, М. Соловьев. Ук. соч., т. XVIII, стр. 695.

¹⁵² С. М. Соловьев. Петр Великий на Каспийском море. «Вестник Европы», т. II. 1868, стр. 194.

¹⁵³ Кабинет Петра Великого, II. кн. 59. лл. 721–722.

захватчики вынуждены были отступить в Грузию. Об этих событиях свидетельствует записка армянского-купца Ильи Мушега, в которой он приводит письмо некоего Мирзы Али Наги «господину Уванесу и Яхийя-беку», рассказывающее, что между гянджинцами и турками «семь раз происходили бои; всякий раз османцы оказывались разбитыми»¹⁵⁴ и понесли значительные потери¹⁵⁵. В письме священника Александра дербентскому коменданту от 20 декабря 1723 г. говорится, что «в Гяндже побито 9 тысяч человек турков, а остальные ушли в город Тифлиси, и из оных ушедших половина осталось в Тифлисе, а половина пошла в Константинополь для учинения своему султану известия»¹⁵⁶.

В поисках подкреплений эрзерумский паша в июле 1723 г. отправил своего представителя в Шемаху. Получив его послание, Гаджи Дауд со своими отрядами отправился к Гяндже на помощь туркам¹⁵⁷. Однако и это не спасло положения¹⁵⁸.

Султан вновь сосредоточил у Эрзерума армейский корпус; на который возложил задачу захватить Ереван, а затем двинуться на Тебриз и Ардебиль¹⁵⁹.

В такой обстановке между Россией и Турцией шли дипломатические переговоры об урегулировании конфликта. Россия крепко стояла на занятых позициях, не считаясь с турецкой угрозой. Русские министры Шафиров и Остерман через фран-

---

¹⁵⁴ Архив ВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1794, № 16 «А», л. 22 об.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Г. А. Эзов. Ук. соч., док. № 234, стр. 364.

¹⁵⁷ Письмо Матюшкина 1723 г. Кабинет Петра Великого, И, Ш 63, л. 748.

¹⁵⁸ Г. А. Эзов. Ук. соч., док. № 232, стр. 360.

¹⁵⁹ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. XVIII, М., 1939, стр. 297–299.

цузского посла де Кампредона дали знать константинопольскому двору, что если «турки будут пытаться заставить царя отказать от завоеванных им у Персии земель, то это будет лучшим средством побудить его продолжать свои завоевания; если они войдут в соглашение, то разрыва намеренно не произойдет, напротив добрые отношения обоих государств укрепятся»¹⁶⁰.

Далее Шафиров и Остерман предупредили Англию, что царь не потерпит более, чтобы какая бы то ни была держава предписывала ему законы, «как Англия делала это прежде и пытается делать снова»¹⁶¹.

Русское правительство трудно было напугать. 4-го апреля 1723 г. оно заявило, что начинает усиленную подготовку против Турции, считая, что рано или поздно подстрекательства Англии приведут к войне. Петр I назначил князя М. М. Голицына главнокомандующим украинской армией.

9-го апреля 1723 г. император писал Неплюеву: «Наши интересы, отнюдь не допускать, чтобы какая другая держава, чья бы не была, на Каспийском море утвердилась; а что касается Дербента и других мест, в которых наши гарнизоны находятся, то они никогда во владении персидских бунтовщиков, ни лезгинцев, ни Мирвейзев¹⁶² не бывали, а по собственному их письменному и словесному прошению, как то бывшему при дворе нашем турецкому посланнику явно доказано, под покровительство наше добровольно отдались, и если Порта в противность вечному миру будет принимать под своим покровительством лезгинцев, наших врагов явных¹⁶³, то тем не менее

---

¹⁶⁰ Сб. ИРИО, т. 49, СПб., 1885, стр. 296–297.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Мирвейз – глава восставших против иранского владычества афганских племен.

¹⁶³ Гаджи Дауд и Сурхай-хан.

должно быть противно Порте, если мы принимаем под свое покровительство народы, не имеющие никакого отношения к Порте и находящиеся в дальнем от нее расстоянии, на самом Каспийском море, до которого нам никакую другую державу допустить нельзя. Если Порта, безо всякой со стороны нашей причины, хочет нарушить вечный мир, то мы предаем такой незаконный поступок суду божию, и к обороне своей с помощью божьею потребные способы найдем»¹⁶⁴.

Однако в этот период российскому правительству трудно было начать войну против Турции, вследствие затруднений, вызванных недавно закончившейся северной войной со Швецией. России хотелось закрепить успехи, достигнутые в результате войны со шведами. Поэтому Петр I и его дипломаты направили все свои усилия на мирное разрешение русско-турецкого конфликта.

Неплюев возобновил мирные переговоры с турецким правительством, однако при составлении проекта трактата столкнулся с активным противодействием со стороны английского и французского послов. Французский посол де Бонак, на словах уверяя, будто он готов помочь России, на самом деле во время переговоров откровенно поддерживал турецкого представителя. «От французского посла, – писал Неплюев, – вместо помощи были только одни препятствия; проект трактата раз десять переправляли; я желал, чтобы все ясно было, а французский посол, при присутствии турецкого везира прямо говорил, что русский резидент спорит не дельно, в турецком проекте разумееется все то, чего он требует»¹⁶⁵.

Тем временем войскам обоих государств, расположенных в пределах Закавказья, были посланы приказы оставаться на тех

¹⁶⁴ С. М. Соловьев. Ук. соч., т. XVIII, стр. 696.

¹⁶⁵ С. М. Соловьев. Ук. соч., т. XVIII, стр. 700.

позициях, на каких он застанет их и не делать ни шагу до получения нового распоряжения»¹⁶⁶.

Российское правительство через Неплюева довело до сведения турецкого правительства свои предложения, состоявшие из следующих пунктов:

- 1) чтобы турки не делали более завоеваний в Персии и не посылали более войска туда;
- 2) чтобы проведена была точно обозначенная граница между вновь завоеванными султаном и царем землями;
- 3) чтобы переговоры с шахом Тахмасибом об этих завоеванных землях Порта вела не иначе, как совместно с царем¹⁶⁷.

Турция не хотела соглашаться с этими предложениями, в особенности с первым из них. Казалось, разрыв неминуем. Однако спустя некоторое время Турция согласилась «предоставить царю завоеванные им у Персии земли с тем, чтобы он не препятствовал туркам отнять у этого государства те земли, которые она себе наметила»¹⁶⁸.

Маркиз де Бонак сообщил об этом предложении через своего племянника де Далиона. Петр I принял эти условия и отправил в Константинополь проект договора. Несколько раз исправлявшийся проект наконец был составлен таким образом: «Ширван останется под владением вассала Турции Гаджи Дауда. Пространство от города Шемахи по прямой линии к Каспийскому морю разделяется на три равные части; из этих трех частей две, лежащие к Каспийскому морю, должны принадлежать России, а третья, ближайшая к Шемахе» будет находиться во владении Гаджи Дауда под верховною властью Турции. От Дербента в 22 часах пути внутри страны будет поставлен знак; от этого знака проведется прямая линия к югу к тому месту, где по означен-

¹⁶⁶ Сб. ИРИО, т. 52, СПб., 1886, Докл. записка о сношениях между Францией и Россией в царствование Петра Великого, стр. XV–XVI.

¹⁶⁷ Там же, стр. XV–XVII.

¹⁶⁸ Там же.

ному выше способу обозначится граница между русскими владениями и шемахинской областью. Земли по правую сторону, от этой линии внутри страны будут принадлежать Турции, по левую к морю – России. Наконец, от того места, где будет обозначена граница между русскими владениями и Шемахой, проведется прямая линия к месту слияния рек Аракса и Куры. Здесь будет граница между Россией, Турцией и Персией. Шемаха не будет укреплена и в ней не будет турецкого гарнизона, исключая тот случай, когда владения тамошние воспротивятся, власти султана, или между жителями произойдет смута, и тогда турецкие войска прежде перейдут реку Куру, как уведомят о своем движении русского коменданта, и по усмирении смуты ни один человек из турецкого войска не должен оставаться в Шемахе. В договоре говорится, что император обещает склонять шаха Тахмасиба к уступке Турции занятых ее войсками Персидской провинции и т. п.»¹⁶⁹.

Договор после долгих переговоров был подписан 12 июня 1724 г. в Константинополе. Затем обе стороны обменялись новыми послами. С российской стороны в Константинополь был отправлен в качестве чрезвычайного посла князь Румянцев.

На основании специального пункта константинопольского договора 1724 г. необходимо было провести разграничение между областями, занятыми войсками обоих государств в Азербайджане. С этой целью российское правительство выделило специальных комиссаров.

Пока в Стамбуле шли переговоры о мирном договоре, турецкие войска оккупировали Грузию, Армению и те области Северного Азербайджана, которые не были заняты Россией.

Таким образом Россия, несмотря на интриги англо-французских правящих кругов и их представителей в Константинополе, в напряженной международной обстановке, заключив в 1724 г.

¹⁶⁹ С. М. Соловьев. Ук. соч., т. XVIII, стр. 701.

мирный договор с Турцией, успешно разрешила вопрос о вхождении прикаспийских областей Азербайджана в состав России. Это была победа русской дипломатии.

ТУРЕЦКАЯ АГРЕССИЯ И ПОЛИТИКА РОССИИ В ПРИКАСПИИ

В течение 1725 г. турецкие войска продолжали захват Азербайджана. Захватнические стремления Турции не имели предела. Султан намеревался распространить завоевания до Персидского залива. Чтобы развязать себе руки, Турция стремилась разжечь войну между Россией и Эшрефом – афганским феодалом, который в то время захватил почти весь Иран. Показательно, что еще в беседе с Неплюевым турецкий визирь заявил: «Вместо того, чтобы искать человека, кого бы возвести на персидский престол, не лучше ли России и Турции разделить между собою Персию, как добрым друзьям»¹⁷⁰.

Готовясь к активным действиям, Турция разделила свою 100-тысячную армию на два корпуса: один, многочисленный, под предводительством багдадского паши должен был отправиться из Хамадана в Исфаган, а другой был собран около Тебриза¹⁷¹. Затем последовало предложение России сообща действовать против афганцев¹⁷².

Однако турецким планам не суждено было осуществиться. «Удивительно, – отмечал турецкий визирь в беседе с Неплюевым, – что Россия лучше желает видеть персидские области в руках Эшрефа, чем у турок, не рассуждая, что когда Эшреф утвердится, то со временем и у России отберет Гилян и Дербент»¹⁷³.

¹⁷⁰ Там же, стр. 951.

¹⁷¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, лл. 97–99.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ С. М. Соловьев. Ук. соч., т. XVIII, стр. 952.

Ведя с Россией переговоры о разделе Ирана, Турция тайно старалась склонить Эшрефа к союзу. Однако и это намерение не осуществилось¹⁷⁴.

Французский посланник в Константинополе, имея, в виду интересы Франции в Европе, в частности в Польше, внушал муфтию и главным турецким сановникам, что «Порте лучше заключить отдельный мир с Эшрефом, как можно скорее: тогда Эшреф все свои силы обратит против России и свяжет ей руки, а между тем Порта могла бы в союзе с Францией и другими ганноверскими союзниками возвести на польском престол Станислава Лещилского»¹⁷⁵.

Захватив Ардебиль, турки стали непосредственно угрожать прикаспийским областям Азербайджана. Однако константинопольский договор 1724 г. заставлял султана временно воздержаться от открытой агрессии в этом направлении.

Политика Турции заставила русский двор принять ряд чрезвычайных военно-дипломатических мер для укрепления позиций России в присоединенных областях Азербайджана и Ирана. В прикаспийские области было отправлено подкрепление «из 4-х полков пехоты, 3-х драгунских полков, 10-ти тысяч новобранцев. Кроме того, из Астрахани были направлены 54 судна всякого рода военных снарядов с припасами для наполнения магазинов Дербента и Баку»¹⁷⁶. Екатерина I, вступившая на престол после смерти Петра I, приказала русским регулярным войскам выступить из Астрахани в Сулак¹⁷⁷.

7 октября 1725 г. командующий войсками получил из Петербурга указание о том, что в связи с продвижением турецких войск в Казвин шах Тахмасиб находится в «дурном положении

¹⁷⁴ В. Н. Левитов. Ук. соч., стр. 90.

¹⁷⁵ С. М. Соловьев. Ук. соч., т. XVIII, стр. 957.

¹⁷⁶ Сб. ИРИО, т. 75, стр. 359–360.

¹⁷⁷ Там же, т. 58, СПб., 1887. Донесение от Г. де Кампредона к гр. де Морвелю от 29 мая 1725 г., стр. 351.

от турков и авганцев если он намерен склониться на сторону России, взять ее под защиту, принять его с честью в Гиляне и обнадежить, что для восстановления его на престол будут приняты сильные меры»¹⁷⁸.

При дворе императрицы лица, поддерживавшие традиционную политику Петра I, старались укрепить позиции России в прикаспийских районах. Они указывали Екатерине I на опасность «как бы турки черезчур усиленным завоеванием всей Персии не вытеснили ее не только с берегов Каспийского моря, но и из Астрахани»¹⁷⁹.

Вице-канцлер барон Остерман, разработав план действий России, писал: «дальнейшие расширения турецкие в Персии весьма опасны, и особливо турков к Каспийскому морю и в соседстве российском с персидской стороны допустить невозможно»¹⁸⁰. Он считал необходимым объявить Тахмасибу, что Россия намерена оказать ему посильную помощь, ибо, в противном случае шах, чувствуя свою слабость, перейдет под власть Турции¹⁸¹.

Остерман предложил в присоединенных областях следующее:

«1) Содержать, как христиан, армян, грузинцев и прочих добродетельных народов, как и самих персиян, при нашей стороне, обнадеживая их нашею помощью.

2) А с шахом иметь корреспонденцию и оного склонить к нашей стороне и к возобновлению нашего трактата»¹⁸².

Далее Остерман советовал царице проводить вышеуказанные пункты в жизнь очень осторожно, чтобы не вызвать раз-

¹⁷⁸ п. Г. Бутков. Ук. соч., ч. I, стр. 84–85.

¹⁷⁹ Сб. ИРИО, т. 64, 1888, стр. 44. Донесение де Кампредона королю от 30 октября 1725 г.

¹⁸⁰ Сб. ИРИО, т. 55, СПб., 1886. Рассуждение г-на вице-канцлера барона Остермана о турецких и персидских делах, стр. 112.

¹⁸¹ Там же, стр. 125.

¹⁸² Там же, стр. 126.

рыва дипломатических отношений с Турцией, так как «1) турки проявляют склонность к заключению с Персией трактата и к приставлению на престол шаха Тахмасиба; 2) ныне у нас с цесарем и другими некоторыми христианскими державами идет трактование о союзе против турок и надежда есть, что иной союз к заключению придет, ибо, как цесарь, так и другие, не желают того, чтобы турки в Персии усилились...»¹⁸³.

План Остермана был одобрен тайным советом и стал приводиться в действие. Для того чтобы в дальнейшем предупредить турецкую агрессию и упрочить свои позиции в прикаспийских областях Азербайджана, Россия спешно строила новые крепости, укрепляла важные прибрежные города. И сентября 1725 г. по указу Екатерины I правительствующий сенат приказал генералу Матюшкину сообщить в военную коллегию свои соображения по имеющимся чертежам, какую крепость и гавань можно строить для «прикрытия и к отходу неприятельских людей»¹⁸⁴. При этом особое внимание российское правительство обращало на укрепление крепостей Дербента и Баку. Матюшкин, получив указ о постройке на юге Дербента каменной крепостной стены с воротами и гавани, приступил к его осуществлению. Донося об этом, он 1-го октября 1725 г. писал: «Великое число ныне тамо на работе людей обретается»¹⁸⁵. В этом же донесении он уведомил военную коллегию о скором окончании постройки упомянутой дербентской стены.

23 октября 1725 г. в Петербурге состоялось заседание тайного совета, на котором был принят план, состоящий из восьми пунктов, по поводу укрепления прикаспийских областей. В 3-м пункте этого плана говорится: «дабы на Куре реке весьма укрепиться, а некоторую крепость строить и для того, чтобы

¹⁸³ Сб. ИРИО, т. 56, СПб., 1886, стр. 127.

¹⁸⁴ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. I, л. 8

¹⁸⁵ Там же, лл. 11–12.

посылать туда отсюда из инженеров, а именно Дебрина и повелеть ему тамошние места и весь тамошний берег Каспийский осмотреть и карту учинить»¹⁸⁶. Далее в этом документе указывается, что «ежели бы с турками до явных ссор дошло, быть в готовности потребные действия учинить»¹⁸⁷.

Одновременно российское правительство решило закончить определение границ, начатое по константинопольскому договору 1724 г. Но Турция, расширяя свои завоевания, фактически отказалась от константинопольского договора и затягивала посылку комиссаров для установления границ. Касаясь этого вопроса, де Кампредон писал французскому министру иностранных дел графу де Морвелю: «Но я все же узнал из хорошего источника, что великий везирь отказал Румянцеву в дальнейшем содержании и объявил, что бесполезно оставаться далее в Константинополе, так как в посылке комиссаров нет более надобности, границы устанавливаются сами собой»¹⁸⁸.

Однако замыслы турок и их англо-французских хозяев не имели успеха: переговоры о разграничении возобновились в декабре 1727 г. в связи с поражением турецких войск в Иране. Князь Румянцев и дервиш Магомет Ага, заменивший Сары Муштафа-пашу в звании комиссара Турции, вновь принялись за осуществление соответствующего пункта константинопольского договора. Местом встречи была назначена крепость Тенга. Однако Гаджи Дауд не согласился с официальным мнением турецкого комиссара, признавшего права России на эту крепость. В ответ последовало заявление, что Россия займет ее силой, после чего дагестанский феодал вынужден был уступить.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же, лл. 17–18, 19–20.

¹⁸⁸ Сб. ИРИО, т. 64, СПб., 1888. Донесение де Кампредона к гр. Морвелю от 9 марта 1726 г., стр. 27.

Так, благодаря твердой политике России, все затруднения были преодолены¹⁸⁹ и в 1727 г. была проведена окончательная граница между Турцией и Россией. В результате отдельные районы прикаспийских областей и прилегающие к ним земли отошли к России. «Джавад по разграничению с турками в 1727 году остался при России»¹⁹⁰, Сальяны тоже окончательно отошли к России. «Здесь была построена крепость на южном берегу Куры»¹⁹¹, где был помещен русский гарнизон в составе 200 человек. Весь район находился в ведении военного коменданта в Баку. Отошел к владениям России и Бешбармак¹⁹². Раньше этот район управлялся юзбаша, который когда-то подчинялся дербентскому султану. Шеш-пара, места между Рустовом и Шабраном, и Мушкур также отошли к России¹⁹³.

В октябре 1727 г.¹⁹⁴ был заключен мирный договор между Турцией и Эшрефом (шах Тахмасиб, теснимый афганцами и турками, почти не имел власти в государстве). По этому договору Турция официально утвердила за собою Тебриз, Ардебиль, Ереван, Хамадан, Султанию и Керманшах.

Однако, чтобы не ограничивать свою дальнейшую экспансию, Турция воздержалась от признания Эшрефа шахом Ирана: заключение договора и урегулирование спорных вопросов на границе вовсе не удовлетворяло возросший захватнический аппетит.

Турецкое правительство руками своих ставленников Гаджи Дауда и Сурхай-хана старалось осложнить положение в прикас-

---

¹⁸⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, лл. 108–109. Из рапорта Долгорукова от 30 декабря 1727 г.

¹⁹⁰ П. Г. Б у т к о в. Ук. соч., стр. 90–91.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Г. Гербер. Ук. соч., стр. 220.

¹⁹³ Там же, стр. 90–91.

¹⁹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, лл. 108–109. Из рапорта Долгорукова от 30 декабря 1727 г.

пийских областях. По указке турецкого султана и в угоду корыстным интересам реакционных феодалов правитель Шемахи Гаджи Дауд всячески стремился поднять живущих в прикаспийских областях азербайджанцев, исповедующих сунизм, против русских властей. Не добившись в этом успеха, он стал предпринимать бандитские набеги на территории, находившиеся под властью России, и грабить идущие в Баку купеческие караваны¹⁹⁵.

Гаджи Дауд был не в состоянии сделать что-нибудь большее, что могло бы удовлетворить султанскую Турцию. В мае 1728 г.¹⁹⁶ его сменил Сурхай-хан, который был более энергичным исполнителем воли турецких хозяев. «Оный Сурхай, – пишет Бутков, – в соединении с самим турецким войском впадение учинил в российской провинции Кызыл-Агач и Сальяны; там бывших людей побил и пленил, устроенные магазины с провиантом выжег, пожитки пограбил и несказанное свирепство производил»¹⁹⁷.

Грабительские набеги предпринял Сурхай-хан и на Кубинский и Дербентский районы.

Российское командование на Кавказе в конце 1728 г. – в начале 1729 г. послало против Сурхай-хана специальные отряды¹⁹⁸, которые расправились с ним. Таким образом, набеги Гаджи Дауда и Сурхай-хана в конечном счете не дали их вдохновителю – Турции – ничего существенного.

---

¹⁹⁵ Г. Гербер. Ук. соч., стр. 228–229.

¹⁹⁶ П. Г. Б у т к о в. Ук. соч., ч. 1, стр. 88–89.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ А. Зиссерман. Военно-исторические очерки. «Русский Вестник», 18/8, стр. 660.

4. БОРЬБА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И АРМЯНСКОГО НАРОДОВ ПРОТИВ ТУРЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ И ИХ РУССКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

Турецкие оккупанты в пределах Азербайджана и Армении встречали, как правило, сильный отпор. Когда в начале 1724 г. в Армению вторглись турецкие войска под предводительством Кепрюлю Абдулла-паши, Ариф-Ахмеда и Гаджи Мустафа-паши, части их встретили упорное сопротивление народных масс. Каждое захваченное местечко или селение стоило им больших потерь.

С трудом преодолевая сопротивление, турецкие захватчики подошли к Еревану, но осада его затянулась. Несмотря на неоднократные атаки турок, население мужественно защищало родной город. Героическая оборона заставила султана направить сюда большую армию, двигавшуюся к Гяндже и Карабаху¹⁹⁹. Только после этого в результате шестидневного штурма турки сумели 7 июня 1721г. захватить Ереван, который был разорен и опустошен захватчиками.

Героическая оборона Еревана оттянула на время турецкое нашествие на Гянджу и Карабах. Воспользовавшись отсрочкой, защитники их успели еще больше укрепить свои позиции. И когда враг все-таки нагрянул, его встретило яростное сопротивление армянского и азербайджанского народов.

Борьба против турецких захватчиков в Закавказье приняла всеобщий, народно-освободительный характер. Братские народы Закавказья – азербайджанцы, армяне и грузины – оказывали героическое сопротивление турецким оккупантам.

Весной 1724 г., во время обороны Еревана от турецких полчищ, карабахские армяне обратились к гянджинцам с предложением о совместной борьбе против турок. Результатом этого

¹⁹⁹ История армянского народа Айпетрат-Ереван, 1951, стр. 251.

явился договор о союзе и взаимной помощи в совместной борьбе против наступающего общего врага. Текст договора был составлен на армянском и фарсидском языках²⁰⁰. В договоре говорилось: 1) в случае вторжения турецких войск или лезгин²⁰¹ на территорию Гянджи, армяне обязаны всеми силами и средствами придти на помощь гянджинцам, ибо последние заявили не только о заключении дружбы с армянами, но и объявили себя подданными русского государства²⁰².

2) Если турецкие войска и лезгины нападут на армян, то гянджинцы обязаны всеми своими силами и средствами придти на помощь армянам²⁰³.

В договоре еще указывалось:

«Если сикнаховцы [армяне] откажут [гянджинцам] в дружбе, и в долге соседства, не помогут Гяндже, то [сикнаховцы] во всех этих случаях будут считаться виновными и заслуживающими наказания».

---

²⁰⁰ При освещении этого вопроса автор исходит из материала П. Т. Арутюняна, приведенного в его автореферате докторской диссертации на тему «Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в.». П. Т. Арутюнян впервые поднимая этот вопрос, совершенно справедливо подчеркивает, что документы, освещающие дружественный союз между армянами и азербайджанцами, а также их совместную борьбу против завоевателей, найденные в архиве ВПР (ф. «Сношения России с Арменией», д. № 2, лл. 69, 70, 74), представляют собой большое значение и освещают важнейшие события в исторической жизни соседних братских народов.

²⁰¹ Под словом «лезгины» подразумеваются отряды Сурхай-хана и Гаджи Дауда.

²⁰² Автореферат диссертации П. Т. Арутюнян «Освободительное движение Армянского народа в первой четверти XVIII века». М., 1954, стр. 21.

²⁰³ Автореферат диссертации П. Т. Арутюнян «Освободительное движение Армянского народа в первой четверти XVIII века». М., 1954, стр. 21.

Со своей стороны гянджинцы – «все предводители войск, старейшины, водители, благородные селяне, а также кедхуда, старейшины, сотники [юзбаши] и воины города» обязались:

«а) если кто-либо из селян или горожан Гянджи вступит в драку со сикнаховцами и прочими христианами Карабаха; б) если при наличии послушания и соблюдения обязательства со стороны сикнаховцев на них нападут турки или лезгинские войска, а горожане и селяне [Гянджа] откажутся оказать помощь христианам, то во всех этих случаях будут считаться виновными и заслуживающими наказания»²⁰⁴.

Заключив соглашение с карабахскими армянами, гянджинцы отправили своих посланников с письмом Петру I и установили связь с российским правительством. Посредником был Иван Карапет, посланник Петра I. В письме от 18 марта 1724 г. он сообщал Петру I, что в Карабах прибыли для переговоров представители Гянджи – Иса-бек и Кей Хосров-бек, привезшие с собой письма для отправки русским властям в Дербенте, с просьбой убедить русское правительство в необходимости оказать им военную помощь.

«Если 1000 русских воинов вступят в наш город, – писали гянджинцы, – то как грузины, так и азербайджанцы и армяне окрепнут духом, и, вступая в бой против османцев, мы дадим им ответ, пока придет на помощь со своими основными силами наш государь (русский царь)»²⁰⁵.

Далее в письме говорилось: «Если войска государя не придут к нам на помощь, неприятель раздавит как нас, так и грузинскую и армянскую нации»²⁰⁶.

²⁰⁴ Там же, стр. 22–23.

²⁰⁵ Цит. по статье П. Т. Арутюняна «Борьбу армянского и азербайджанского народов в 20-х годах XVIII в. за присоединение к России». Ученые записки Ин-та востоковедения, т. III, 1952, стр. 136 (В дальнейшем – П. Т. Арутюнян. Ук. статья).

²⁰⁶ Там же.

В начале 1724 г. гянджинцы (азербайджанцы и армяне) обратились непосредственно к Петру I с просьбой, чтобы он «укоротил захватнические руки турок, протянутые на их земли... и охранял эту землю»²⁰⁷. В обращении говорилось: с «твоей помощью разгромим турок, как громили их раньше, и охраним эту провинцию, пока подойдет основательная помощь к нам от двора покровителя и мы освободимся окончательно от вражды турок»²⁰⁸.

Не получив ответа, гянджинцы вторично обратились к Петру I: «Турки теперь узнали о том, что покорнейшие слуги твои осмелились просить твоей помощи, и они пуще прежнего стали враждебны к нам и готовятся покорить себе Карабах и жителей этой провинции и хотят сделать это, пока победоносные войска его высочайшего двора не успели вступить на эту землю. Поэтому мы, рабы твои, с волнением осмелились послать твоему августейшему величеству свое II-е прошение и покорнейше просим проявить благородное снисхождение, и любовь к своим подданным и посылать войска высочайшего двора для защиты провинции и в помощь нам, несчастным...»²⁰⁹.

В другом архивном документе отражено стремление шекинских армян присоединиться к России. В своем донесении от 6 марта 1724 г. шекинский житель Мартирос Вартапет сообщал русскому коменданту Дербента, что шекинцы являются сторонниками присоединения к России²¹⁰. Это сообщение подтверждается донесением юзбаши коменданту Дербента. «Долго глядя на вашу дорогу, – писал юзбаши, – наши глаза потускнели (мы истомились в ожидании Вашего прихода); не знаем чем Вы заняты, медлить нехорошо, приезжайте скорее»²¹¹.

²⁰⁷ П. Т. Арутюнян. Ук. статья, стр. 136.

²⁰⁸ Там же, стр. 137.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Архив ВПР, ф. Персид., д. 2, 1724, лл. 16 и 17.

²¹¹ Там же.

Приведенные документы со всей ясностью доказывают, что в борьбе против турецких захватчиков азербайджанцы вместе с братскими народами Закавказья обращали свои взоры к России.

Одновременно с завоевательными попытками в Закавказье Турция приступила к захвату Южного Азербайджана. 6 мая 1724 г. турецкая армия под командованием ванского паши, перейдя в наступление, осадила крепость Хой. Турки встретили здесь яростное сопротивление со стороны азербайджанцев. «При приближении его (турецкого главнокомандующего) к Хою, – пишет Авраам Ереванци, – все персы [азербайджанцы] из селений той области спешно бежали в крепость Хой, где укрылось и множество армян»²¹².

Несмотря на лишения, вызванные осадой, защитники Хоя были полны решимости бороться до конца. В ответ на требования турецкого главнокомандующего сдать крепость они единодушно заявили: «не желаем сдавать крепость османцам»²¹³.

Очень интересные сведения о захвате Хоя турками дает Гаммер. Он отмечает, что покорение крепости было нелегким; осаждающие лишь на 21-й день овладели городом и только на 54-й день – крепостью²¹⁴.

В августе того же года войска ванского паши заняли Нахичевань и Ордубад²¹⁵.

Абдулла-паша получил от султана приказ идти на Тебриз. Оставив в Хое часть войска, он с основной армией двинулся к

---

²¹² Авраам Ереванци. История войн 1721–1736 гг. Ереван, 1939, стр. 30.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Г а м м е р. Ук. соч., т. 8, стр. 306 (цит. по кн. В. Н. Левиатова «Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке», Баку, 1948, стр. 88).

²¹⁵ Перевод послания армянских каталикосов Есайя и Нерсеса и карабахских меликов, 18 октября 1724 г. (цит. Г. А. Эзов. Ук. соч., д. 219, стр. 382).

Тебризу. В то время Тебриз «был одним из прекраснейших городов на востоке, – пишет Ханвей, – но он не имел ни стен, ни артиллерии, так что подобно древней Спарте его единственной опорой было количество и сила жителей»²¹⁶.

Спасаясь от жестокостей турок и не имея возможности бороться собственными силами, в Тебризе к этому времени укрылось население города Маранда.

Преодолевая на своем пути сопротивление отдельных городов и сел, турецкие захватчики подошли к реке Шор-Джур (Аджичай)²¹⁷, а в феврале 1725 г. окружили Тебриз. Жители его неоднократно отбивали штурм турецких войск, которые, так и не преодолев упорного сопротивления, вынуждены были бросить свой лагерь и отступить. Мстя за неудачу, отступавшие турки в некоторых селениях, лежавших на их пути, перебили всех мужчин, а женщин и детей, обратив в рабов, увели с собою. Возмущенные тебризцы настойчиво преследовали врага и, наконец, разбили наголову. Остатки турецкого войска бежали в Хой²¹⁸.

После такого разгрома турки долго не могли оправиться и лишь четыре месяца спустя снова двинулись на Тебриз. На этот раз сюда было направлено многотысячное войско под командованием Кепрюлю Абдулла-паши. 30 июля 1725 г. оно появилось у стен Тебриза, и жители города с оружием в руках стали на защиту его, зная, что иранский гарнизон не в состоянии защитить их.

Джонас Ханвей и Авраам Ереванци очень подробно описывают первое и второе сражение за Тебриз. «Войско османское двинулось вперед, подошло и осадило Тебриз и, установив

---

²¹⁶ Д. Ханвей. Ук. соч., ч. II, стр. 213. Архив Ин-та истории и философии, инв. № 158.

²¹⁷ Авраам Ереванци. Ук. соч., стр. 31.

²¹⁸ Д. Ханвей. Ук. соч., ч. II, стр. 213.

пушки, стало обстреливать из них город. После ружейного и пушечного обстрела в течение 60-ти дней они совершенно разрушили деревянные и глинобитные строения города. По истечении 60-ти дней, когда Абдулла увидел, что враг все еще продолжает весьма упорно сопротивляться, приказал всем вообще войскам своим двигаться вперед, вторгнуться в город и одновременно палить в него из пушек, и когда все они совместно как звери напали на них, то ворвались в город и, в течение семи дней сражаясь с противником, перебили 85 тысяч воинов и завоевали город. Все городское население и женщин и детей взяли в плен и разграбили имущество их...

Абдулла-паша устроил парадный смотр войскам своим и увидел, что от 158-тысячного войска осталось у него всего лишь 42 тысячи»²¹⁹.

Не менее подробное описание второй осады Тебриза, хотя с некоторыми иными деталями, дает Дж. Ханвей. «Порта, не добившись успеха с Тебризом, – пишет он, решила снарядить достаточное количество войск, чтобы взять город, в котором число жителей, способных носить оружие, было очень велико и которые под влиянием благородной решимости защищаться до последней крайности, отослали свои семьи и наиболее ценное имущество в горную страну Гелян»²²⁰.

Защитники города решили принудить неприятеля сразиться с ним, не дав ему времени укрепиться. Число их достигало 30 тысяч человек. Не ожидая турецкой атаки, они вышли из города и неожиданно напали на численно превосходящего врага. Разгорелось кровопролитное сражение. «Персы [азербайджанцы] держались крепко, они бились с отвагой до ночи»²²¹.

²¹⁹ А в р а а м Е р е в а н ц и. Ук. соч., стр. 31.

²²⁰ Д. Х а н в е й. Ук. соч., ч. II, стр. 236–237.

²²¹ Там же.

Дж. Ханвей отмечает, что «турки настолько увлеклись преследованием, что вошли в город вперемежку с ними [тебризцами], и битва возобновилась с невероятным упорством. Жители устроили окопы в 9-ти различных кварталах, из которых состоял этот большой город, защищались с такой же храбростью и решительностью, которую и раньше показывали при всяких обстоятельствах.

Туркам понадобилось четыре дня и ночи, чтобы завладеть семью из этих окопов»²²².

Под давлением превосходящих сил врага тебризцы вынуждены были «отступить в Ардебиль со всем имуществом, которое они смогли вывезти»²²³. В этой битве турецкие захватчики потеряли «приблизительно тысяч 20...»²²⁴.

Приведенные выдержки из произведений Авраама Ереванци и Дж. Ханвея дают в основном правдивую картину героической борьбы тебризцев против турецких войск. Турецкие захватчики намеревались взять в клещи отважный Сюник, где действовал Давид-бек²²⁵. Однако мужественная защита Тебриза не дала им возможности осуществить этот план. Армянские отряды тем временем укрепились и пополнили свои силы²²⁶.

Одновременно с наступлением на Тебриз турецкие войска в феврале 1725 г. окружили Гянджу и вторглись в Карабаг. Армянские отряды из Карабага и азербайджанское население Гянджи объединили свои силы против общего врага, в результате первое большое наступление турок против Карабага и Гянджи кончилось провалом. Сары Мустафа-паша занял Гянджу лишь в августе 1725 г. Больших усилий стоило туркам также взятие Шемахи и Шеки.

²²² Д. Х а н в е й. Ук. соч., ч. II, стр. 236–237.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же.

²²⁵ История армянского народа. Айпетраг–Ереван, 1951, стр. 254.

²²⁶ Там же.

В 1726 г. командующим русскими войсками и правителем прикаспийских областей Азербайджана указом императрицы был назначен князь Долгоруков. В январе следующего года он объездил присоединенные области от Решта до Дербента, сообщая Екатерине I подробные сведения о настроении местного населения, желающего остаться в подданстве России. Долгоруков отмечал, что присоединиться к России желает и та часть азербайджанского населения, которая оказалась под властью Турции.

«Во всех провинциях, коими я ехал, – говорится в донесении Долгорукова, – с великой радостью меня встречали, по их обычаю, со своими музыками, и во всем меня довольствовали, все желают быть в подданстве и просят меня, чтобы я их принял в протекцию Российской империи»²²⁷. И далее: «Итак, весь здешний народ желает вашего императорского величества протекции с великою охотою, видя какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем, и смотрим крепко, чтобы отнюдь не мало им обиды от нас не было, и крепкими узами во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом»²²⁸.

В этом донесении князя Долгорукова, конечно, оправдывается политика царского правительства, но вместе с тем оно правильно освещает тяготение азербайджанцев к России.

Когда 5 декабря 1726 г. на заседании Тайного Совета обсуждался вопрос о прикаспийских областях Азербайджана, тайный советник Макаров огласил донесение, полученное от Князя Долгорукова. В донесении говорилось о том, как «перешел в подданство ея императорского величества обитающийся в Ширванской провинции Кубинский хан Хусейн Алибек со своим владением»²²⁹, который еще при Петре I принял россий-

²²⁷ С. М. Соловьев. Ук. соч., т. XVIII, стр. 955—956.

²²⁸ Там же; см. также Т. А. Эзов. Ук. соч., стр. 449.

²²⁹ Сб. ИРИО, т. 56, 1887, журн. Верховного Тайного Совета от 5 декабря 1726 г., стр. 587

ское подданство и, чтобы подтвердить верность России, послал в Дербент своего представителя.

В связи с этим донесением Совет при императрице решил, «что ежели земля владетеля одного по заключенному от одного трактата останется во владении Российской империи, а не в турецком владении», те земли принять под власть России, а Гусейн Али-беку Кубинскому присвоить титул хана²³⁰.

Не случайно поэтому, что и азербайджанцы, обитавшие в Астаре, Ленкорани, Кызыл-Агаче, Уджаре, Сальянах и Муганской степи, в 1727 г. вопреки политике Турции добровольно приняли российское подданство.

В этот период в Сюнаке и других частях Карабага усилилась борьба армян и азербайджанцев против турок. Повстанческие отряды, укрываясь в селах и неприступных горах, наносили сильные удары оккупантам, прерывая их коммуникационные линии.

Зимой 1726 г. в Ширване происходило настолько сильное выступление против турецкого оккупационного режима и произвола Гаджи Дауда и Сурхай-хана, что главнокомандующий турецкими войсками в Иране получил приказ: «войском итти на время в Ширван и Шемаху для успокоения тамошних народов своевольств»²³¹.

В 1728 г. против насилий турок выступили кочевники Карадага и Савелян-дага. Восстали отряды шахсеванов. Направленные против повстанцев войска были разбиты; восставшие окружили турецкие отряды в Ардебиле. К восставшим прикнуло население Халхал, Мараги и Гярмруда. Турецкий паша, будучи не в силах подавить восстание, потребовал помощи от пашей Тифлиса, Еревана, Диарбекира и др. С весны 1728 г.²³²

²³⁰ Там же, стр. 567.

²³¹ Сб. ИРИО, т. 55, 1886, журн. Верховного Тайного Совета от 23 марта 1726 г., стр. 131.

²³² Г а м м е р. Ук. соч., т. VII, стр. 351, 353, 354 (цит. по кн. В. Н. Левиатова. Ук. соч., стр. 94).

до середины 1729 г. восстанием была охвачена большая часть Южного Азербайджана.

По приказанию султана войско Али-паши, стоявшее в Шеки, должно было «по усмирению... возмутителей двинуться на Ардебиль, расположиться там лагерем и ожидать приказания от тавризского мухафиза и по его указанию начать действовать»²³³.

Ардебильское выступление 1729 г. было подавлено огнем и мечом. По приказанию султана турецкие войска разоряли жилища и укрепления, совершая неслыханные злодеяния²³⁴.

В 1730 г. Иван Карапет и Юзбаши Тархан, приехав в Астрахань, от имени армянских повстанцев просили помощи у русских властей. «Он же Карапет представляет, чтобы ныне, как скоро возможно помощь со стороны российской учинить и наперед, хотя 2 полка 3 тысячи войска регулярного с артиллерией отправить и тем собрание армянское ободрить и в силу привести и неприятеля их в страх, что увидя множество армян соберется и кызылбаши [азербайджанцы] и прочие бусурманские народы к ним пристанут, которые турецким управлением недовольны»²³⁵.

Из сказанного видно, что в 20-х годах XVIII в. азербайджанский и армянский народы вели героическую борьбу против турецких захватчиков, стремясь опереться на помощь России. Хотя эта неравная борьба не могла освободить страну от иноземного ига, тем не менее она сыграла значительную роль в деле дальнейшего ослабления турецкого владычества в Закавказье вообще и в Азербайджане в частности.

---

²³³ АКАК. т. II. Дополн. к 1-му тому. стр. 1091–1092.

²³⁴ У. А. Эзов. Ук. соч., стр. 449.

²³⁵ АКАК. т. II. Дополн. к 1-му тому, стр. 1091–1092

Глава третья

БОРЬБА ТУРЦИИ И ИРАНА ЗА АЗЕРБАЙДЖАН И ПОЗИЦИИ РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

1. БОРЬБА ВОКРУГ ЗАКЛЮЧЕНИЯ РУССКО-ИРАНСКОГО ДОГОВОРА 1732 г.

С конца 20-х годов XVIII в. в Иране нарастала волна народно-освободительных движений против афганских и турецких оккупантов. Особо острый характер борьба против турецких захватчиков приобрела в Азербайджане. Талантливый полководец Надир, служивший у Тахмасиба II, пользуясь патриотическим подъемом народных масс, выступил против афганских и турецких феодалов. Собрав в Исфагане 30-тысячную армию, Надир пошел на Хамадан, выбил оттуда турок и овладел городом. Вскоре турки и афганцы были изгнаны из страны, и Иранское государство возродилось.

В 1730 г. армия Надира подошла к Тебризу и взяла его. Затем был занят Ардебиль²³⁶. Турецкий гарнизон, «не видя помощи от своих, просил у генерала Фамильцина, командовавшего в Астаре, помощи»²³⁷. Положение русского генерала было щекот-

---

²³⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 108 об., 109 об.

²³⁷ Там же. Рапорты Левашева от 22 ноября 1730 г. и 13 января – 10 февраля 1731 г.

ливым: с одной стороны, нельзя было нарушить константинопольский договор 1724 г. и отказать туркам в помощи, а с другой – не в интересах России было восстанавливать против себя правительство Тахмасиба II. Фамильцин нашел компромиссное решение, предоставив в Астаре убежище турецкому гарнизону в составе 150 человек пехоты и 310 человек конницы.

Несмотря на нейтральную политику, положение России в 30-х годах XVIII в. вошедших в состав России областях Азербайджана становилось все труднее вследствие восстановления и дальнейшего усиления центральной власти Ирана.

Внутреннее и международное положение России было напряженным. Россия оказалась перед лицом возможной коалиции Англии, Франции, Пруссии, Турции и Швеции. Весьма сложным оказалась позиция России и на Востоке, где ей угрожала война с Ираном за прикаспийские области. Российские войска в Прикаспии подвергались различным заболеваниям из-за непривычных климатических условий; терпели большой урон. Бездарное правительство Анны Ивановны, вместо того чтобы искать выход из создавшегося положения на Востоке, вопреки интересам России пошло по линии наименьшего сопротивления и, вступив в переговоры с Тахмасибом II, решило отдать Ирану прикаспийские области. Такой ценой оно рассчитывало ликвидировать напряженность в отношениях с Ираном, обеспечить его нейтралитет и сосредоточить свои силы против наиболее сильного соперника и потенциального врага – Турции.

В начале 1730 г. в Москве начались переговоры с представителями Ирана. Иранский посол предъявил следующие требования: правительство Анны Ивановны должно помочь шаху очистить территорию Ирана от турецких оккупантов. Тогда шах уступит все области как уже занятые русскими войсками, так и обещанные по договору, заключенному с Петром I. В противном же случае российское правительство должно вернуть

Ирану все области и в первую очередь прикаспийские области Азербайджана²³⁸.

Коллегия иностранных дел, обсудив иранские предложения, представила императрице докладную записку, в которой говорилось, что «война персидская ее императорскому величеству очень убыточна становится, а содержание завоеванных персидских провинций очень трудно и едва ли когда могут быть получены от них выгоды, каких сначала ожидали; с другой стороны, турки не желают расширения и утверждения русского владычества в Персии точно так, как и усиления турок там противны русским интересам, и Россия никаким образом не может допустить турок до Каспийского моря; на этом основании еще ген. фельдмаршалу князю Долгорукову даны были указы, подтвержденные потом и Левашеву, – если усмотрят, что в Персии утвердится такой владетель, который в силах поддержать себя, то заключить с ним мир»²³⁹.

Русская дипломатия мобилизовала все силы, чтобы изолировать Турцию от обсуждения вопросов, связанных с Ираном, и торопила Левашева как можно скорее договориться с шахом, всеми мерами удерживая его от заключения договора с Турцией.

В апреле 1731 г. турецкая армия, стоявшая под Ереваном, была разгромлена войсками Тахмасиба. «После победы Тахмасиба турки желают заключить мирный договор с Персией, – доносил генерал Левашев. – Турки убеждали шаха, что Россия укрепляется в занятых ею областях»²⁴⁰.

Однако сближение между Россией и Ираном продолжалось. 4 апреля 1731 г. императрица писала Левашеву: «Объявите

²³⁸ С. М. Соловьев. История России, кн. 4, т. XIX, 1894, стр. 1222.

²³⁹ Там же, стр. 1223.

²⁴⁰ Архив ВПР, ф. Персид., 1731, д. 8, л. 183.

шаху и министрам его, когда с его императорским величеством шах помириться, тогда немедленно все провинции по р. Куре шаху отданы будут»²⁴¹.

Для успешного завершения переговоров в Иран был послан известный дипломат барон Шафиров. В мае 1731 г. он прибыл в Решт, а вскоре изложил текст будущего трактата на специальной конференции в присутствии генерала Левашева и иранского посла Ибрагима Мирзы²⁴². В письме на имя шаха от 11 мая 1731 г. Левашев, излагал цель приезда Шафинова: «Ея императорское величество дружбу... воспринять извольт и будем на то ожидать вашего величественного указу»²⁴³. Аналогичное письмо было послано Левашевым министру шаха – ехтимат Дивлету. Составленный Шафиновым текст договора был принят шахом с изменениями.

Однако к моменту завершения переговоров и заключения договора военно-политическое положение Ирана резко изменилось. Под Ереваном иранские войска были разбиты турками и 20 апреля 1731 г. в беспорядке отступили к Тебризу²⁴⁴. 30 апреля 1731 г. от подполковника Ерлова и Авраамова, посланных в Тебриз еще в начале апреля в качестве представителей к шаху, поступили сведения о том, что иранцы «не в бодрство приходят, но более слабеют от своего неурядочного состояния, а впредь надежды их никакой подаваемой не имеется. Сурхай из Шемахи к Гяндже прибыл с войски своими немалыми и держит турецкую сторону, слышно, что шах убирается в Исфаган или Казбин, все оставляя в Тебризе и прочие места в своей слабости и бессилии»²⁴⁵.

²⁴¹ Там же, л. 14.

²⁴² Архив ВПР, ф. Персид., д. 6, л. 333.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же, л. 374 об.

²⁴⁵ Архив ВПР, ф. Персид., д. 6, л. 374 об.

О новой ситуации немедленно был информирован русский посол в Константинополе Неплюев. Левашев и Шафиров 15 мая 1731 г. писали ему, что («конъюнктура в Персии вновь переменялась: турецкая сторона в силе возобновляется, а персидская послабла, и шах от Таривана [Еревана] несчастьем 20 апреля в Тебриз возвратился... с турками у шаха мира еще никакого не имеется, но разве по нынешним примерным конъюнктурам чего не учиниться ли?»²⁴⁶.

Левашев и Шафиров сочли неблагоразумным в таких обстоятельствах заключать договор, так как возвращенные Персии области могли оказаться под властью турок²⁴⁷. В связи с этим они решили затянуть переговоры до окончательного выяснения положения и просили правительство усилить войска в прикаспийских областях, чтобы предотвратить возможность проникновения туда Турции. Левашев и Шафиров сообщали, что в этих областях местные народы, прежде всего азербайджанцы, настолько настроены против Персии, что «их легко можно возбудить против шахова величества...»²⁴⁸.

После победы над Ереваном Турция активизировала свои действия в Азербайджане. «Сурхай-хан получил приказ от Алипаши 24 апреля 1731 г., чтобы он шел в Тебриз, соединяясь с турецкими войсками, которые посланы из Ганджи»²⁴⁹.

Не ограничиваясь действиями Сурхай-хана, Турция послала в Азербайджан своего агента Мансур-хана, который напал на владения Али Гулу-хана в пределах Сальян и Мугани, находившихся в русском подданстве. По этому поводу генерал-майор Бутурлин сообщал Коллегии иностранных дел: «Мансурхан развернул действия своей шайки на Мугани»²⁵⁰.

²⁴⁶ Архив ВПР, ф. Персия., д. 6, л. 332.

²⁴⁷ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, лл. 112, 118 об. Рапорт Левашева и Шафинова от 8 сентября 1731 г.

²⁴⁸ Архив ВПР, ф. Персид., оп. 77/1, 1731, д. 8, л. 19.

²⁴⁹ Там же, л. 194.

²⁵⁰ Там же, 1731, д. 10, л. 108 об.

Турецкий султан затрачивал огромные суммы на содержание своих агентов. Генерал-майор Дебриллий 15 ноября 1731 г. из Баку писал: «Сурхай-хан получил 20 тысяч [рублей] для раздачи своим шайкам. Некоторые купцы из Шемахи сообщают, что присланное не 20 тыс., а пятьдесят, которых наперед сего Сурхай от Порты требовал 60 тысяч суммы»²⁵¹.

В конце апреля 1731 г. султан велел Ахмед-паше с многочисленными войсками идти через Керманшах в Хамадан. Одновременно был послан специальный указ о задержании турецкого посла, ездившего в Иран для заключения мира²⁵².

В самый разгар войны между Турцией и Ираном Левашев и Шафиров получили подробную инструкцию от графа Остермана о возобновлении переговоров с Ираном.

В инструкции подробно излагалась позиция России в будущем договоре. Учитывая военно-политическое положение Ирана весной 1731 г., Остерман советовал Левашеву и Шафирову, несмотря на требования шаха, не соглашаться на вывод из Гиляна русских войск; в случае оставления русскими войсками Гиляна, «турки получают желанную возможность направить свои действия к Каспийскому морю, утвердиться там и лорвать все сообщения русских с шахом»²⁵³. Конкретные детали этого вопроса, по мнению Остермана, должны были быть решены по собственному усмотрению Левашева и Шафирова.

Далее в инструкции отмечалось: «Несмотря на тот факт, что в прежнем проекте договора имеется специальный пункт об уступлении остальных областей прикаспийских стран, сейчас нужно обещать эти районы только на словах»²⁵⁴. Таким образом, русская дипломатия в 30-х годах XVIII в. в вопросе о прикас-

²⁵¹ Там же, д. 6, лл. 470, 471 об.

²⁵² Архив ВПР, ф. Персид., оп. 77/1, д. 6, лл. 470, 471 об.

²⁶³ Там же, д. 3, л. 4.

²⁵⁴ Там же.

пийских областях придерживалась прежних позиций: «не допускать турок к Каспийскому морю и в соседство к нему»²⁵⁵.

В июле 1731 г. переговоры между Россией и Ираном возобновились. Находившийся в Тебризе подполковник Ерлов и Аврамов 14 мая 1731 г. получили из Решта от Левашева и Шафирова указание «шаха и министров к принятию трактата склонить»²⁵⁶, и они немедленно начали переговоры с шахом при посредничестве шахского посла при петербургском дворе Ибрагим Мирзы. Первая встреча с послом была организована 5 июня 1731 г. на квартире подполковника Ерлова²⁵⁷. Ибрагим Мирза довел до сведения русских возражения Тахмасиба II в основном по двум пунктам: во-первых, почему привилегия для купцов «не в равномерном образе определена?» и, во-вторых, почему русские «так долго хотят жить в Гиляне?»²⁵⁸.

Для окончательного заключения договора шах уполномочил Мирзу Мухаммеда Ибрагим Мустафа, приказав ему выехать в Решт.

Ерлов и Аврамов, донося о турецко-иранских отношениях, отмечали: «у шаха с турками мы немало согласия не видим...»²⁵⁹.

Тем временем Турция начала активные военные действия. Наступление велось в основном в двух направлениях. Одна колонна турецкой армии под командованием Ахмед-паши продвигалась по направлению Керманшах – Хамадан. Другая через северный Азербайджан двигалась по направлению к Тебризу, где находился шах.

В начале сентября 1731 г., когда турецкая армия уже находилась у стен Хамадана, Тахмасиб II поспешил туда, покинув Теб-

²⁵⁵ Там же. л. 2.

²⁵⁶ Там же, д. 6, лл. 470, 471 и 471 об.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Архив ВПР, ф. Персид., оп. 77/1, д. 6, лл. 470, 471 и 471 об.

риз²⁶⁰. 5 сентября произошло сражение, в котором войска шаха были разгромлены, а сам он с остатками армии отступил к Казвину.

Тем временем другая колонна турецкой армии приближалась к Тебризу. Жители города, лишённого укреплений, спасаясь, оставили Тебриз и ушли в горы²⁶¹ и в сентябре 1731 г. город был занят турками.

Поражение под Хамаданом и сдача Тебриза заставили Тахмасиба II подумать об окончании войны. К тому же стремилась и Турция, рассчитывавшая толкнуть шаха на борьбу с Россией. По поручению султанского двора Ахмед-паша принял шахских уполномоченных, и 16 января 1732 г. в Керманшахе заключил с ними договор²⁶², согласно которому Ереван, Гянджа, Тифлис и Шемаха с Ширванской провинцией и Дагестаном должны были перейти к Турции, река Аракс стала границей двух государств, а Тебриз и Керманшах возвращались Ирану.

Находившийся в то время в Реште иранский посол в России Мирза Мухаммед не соглашался заключить мирный договор без возвращения Ирану всех прикаспийских областей Азербайджана от Дербента до Гиляна. Левашев и Шафиров стали действовать через Надира, к которому был послан специальный человек, чтобы «побуждал его к действиям против турок и обнадеживал помощью»²⁶³.

Надир хорошо понимал, что для захвата шахского престола и победы над турками ему необходимо хотя бы на время установить мир с Россией. В результате 21 января 1732 г. в Реште при участии Левашева и Шафирова был заключен трактат между Россией и Ираном, который затем был ратифицирован Тахмасибом II²⁶⁴. Содержание договора сводилось к следующему:

²⁶⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, лл. ИЗ. 118 об.

²⁶¹ Архив ВПР, ф. Персид., оп. 11/1, 1731, д. 8, л. 213.

²⁶² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, лл. 113 об., 118 об.

²⁶³ С. М. Соловьёв. Ук. соч., кн. 4, т. XIX, стр. 1227.

²⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, лл. 113, 118 об.

1. В течение пяти месяцев после заключения и ратификации трактата Россия возвратит Ирану прикаспийские области от Астрабада до Куры при условии, что Иран гарантирует их от захвата Турцией.

2. Шахское правительство принимало обязательство не препятствовать русской торговле в Иране и освободить русских купцов от пошлин и поборов как на территории Ирана, так и при транзитной торговле через Иран с Индией и другими странами. Шахское правительство гарантировало неприкосновенность имущества и личности русских купцов и обязывалось выделять места для строительства каравансараев, складов и торговых предприятий для русских купцов²⁶⁵.

8. Российское правительство в свою очередь освобождало от пошлин вывозимые из России в Иран товары, если таковые покупались шахскими купцами, «про обиход шаха, остальные же товары облагались пошлиной»²⁶⁶.

Таким образом, Рештский трактат 1732 г. был заключен в сложных внешнеполитических условиях. Российское правительство, не желая обострять отношения с шахом и стремясь превратить его из потенциального врага в своего союзника, возвращало шаху занятые Петром I Гилян и прочие местности Ирана, которые имели большое значение для русской торговли с восточными странами. Вместе с тем оно добилось для русских купцов торговых привилегий в Иране и подвластных ему областях.

²⁶⁵ АСЗ, т. VIII, стр. 617–618. См. также Т. Юзефович. Договоры России с Востоком. СПб., 1869, стр. 194–202.

²⁶⁶ Там же.

2. РУССКО-ИРАНСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ И ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ПРИКАСПИЙСКИХ ОБЛАСТЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

Турецкие власти и после заключения Рештского трактата не прекращали свои агрессивные вылазки. Сурхай-хан готовился напасть на Кубинское владение, обосновывая это тем, что по разграничению некоторые селения недалеко от Кубы должны были перейти к Турции.

Казанский татарин Али-Мамед Смольянов, посланный в январе 1732 г. генерал-майором Дебрелли из Баку в Казыкумык для сбора сведений²⁶⁷, писал, что горское население не согласно с политикой Сурхай-хана: «тамошние жители горские у Сурхая в непослушании и за подводы его весьма бранят и слушать не хотят»²⁶⁸. Он сообщал также, что Сурхай-хан намерен собрать войска и в марте напасть на Кубу, подвластную России.

Для поддержки Сурхай-хана турецкие власти готовили в Гяндже войско, о назначении которого Али Мамед Смольянов сообщал: «Да слушал же я от Кишбеддина (адъютанта Сурхай-хана. – А. А.) ...в Шемаху пришлется скоро из Ганджи турок 20 тысяч»²⁶⁹.

Генерал-майор Дебрелли немедленно сообщил в Коллегию иностранных дел о приготовлениях турок, указывая, что «Сурхай за подлинно разорением устремиться, то писал я в Дербент к генерал-майору и кавалеру Бутурлину, дабы изготовил в низовую прибавок к низовой команде пехоты один батальон... предложил от меня полковнику графу Родбису, дабы всячески удерживал и подданных его императорского величества до разорения не допускал... Ежели не уведается сильное его сурхаево

²⁶⁷ ВПР, ф. Персянд., д. 14, лл. 19–20.

²⁶⁸ Архив ВПР, ф. Персид., оп. 77/1. д. 14, лл. 19–20.

²⁰⁹ Там же.

нападение, то и отсюда батальон отправится, а по надобности случая и сам я пойду»²⁷⁰.

В марте 1732 г. Сурхай-хан по приказу турецкого командования напал на Низовую [Низабат], находившуюся южнее Дербента, но получил сокрушительный отпор со стороны русских войск под командованием Румянцева. Правда эти инциденты не довели до серьезных осложнений. Русский посол в Константинополе писал императрице Анне Ивановне: «Очень вероятно, что по состоянию своих внутренних дел и по персидским отношениям Порты не отважится на ссору с вашим величеством... чего при настоящем министерстве ожидать нельзя»²⁷¹.

К этому моменту резко изменилась военно-политическая обстановка в Иране. Вернувшийся из Афганистана Надир при поддержке высшего военного командного состава войск в августе 1732 г. сверг с престола Тахмасиба II и провозгласил шахом его малолетнего сына Аббаса III. Объявив недействительным мирный договор между Ираном и Турцией, Надир возобновил военные действия.

Французский поверенный в делах при русском дворе Маньян расценивал возобновление Надиром военных действий против Турции как дипломатический успех барона Шафировва²⁷².

В начале 1733 г. под Багдадом Надир разбил турецкую армию и занял «священные» города шиитов – Кербалу и Неджеф. В феврале 1733 г. между Турцией и Ираном было заключено перемирие. Однако Турция и на этот раз не примирилась с поражением и попыталась взять реванш с помощью крымского хана, который в июне 1733 г. с пятнадцатитысячным отрядом двинулся на соединение с турецкой армией в Азербайджане,

²⁷⁰ Там же. л. 18. Донесение ген. Дебрелли от 23 февраля 1732 г.

²⁷¹ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 4. т. XIX. стр. 1228.

²⁷² Сб. ИРИО, т. 81, СПб.. 1892, стр. 407.

пытаясь силой пробиться в Шемаху через Дагестан²⁷³. Узнав об этом, русский посол в Константинополе Неплюев от имени своего правительства представил Турции протест, расценив ее действия как незаконные и направленные против России.

Командующий русскими войсками на Северном Кавказе (Святой крест) получил приказ остановить войска крымского хана. 5 июня крымские войска атаковали русские укрепления, но понесли значительные потери и были отброшены назад. Ночью противник предпринял новую атаку, но и на этот раз был отбит²⁷⁴.

Стоит отметить, что, по словам Неплюева, крымский хан действовал против России «по внушению французского посланника»²⁷⁵.

Поражение войск крымского хана оказало определенное влияние на предстоящие переговоры с Ираном. Российское правительство летом 1733 г. направило к Надиру в качестве чрезвычайного посланника князя С. Д. Голицына, которому было поручено добиться окончательного заключения мирного договора между Ираном и Россией. О миссии Голицына специальным письмом кабинета министров от 1 августа 1733 г. был извещен генерал Левашев²⁷⁶.

С. Голицын получил от правительства соответствующую инструкцию, датированную 14 октября 1733 г., в которой указывалось: «По сим ведомостям толь наипаче потребно, как наискорее стараться Тахмас Кулу-хана [Надира] и персов ободрить, чтобы они руки не упустили и особливо к миру с турками не склонились, но паче трудились бы войско направить и паки

---

²⁷³ Сб. ИРИО. т. 76. СПб., 1891, стр. 35–36. Донесение К. Рондо к лорду Гаррингтону.

²⁷⁴ Там же, стр. 35–36.

²⁷⁵ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 4. т. XIX, стр. 1229.

²⁷⁶ Сб. ИРИО, т. 106. СПб., 1899, стр. 369–370.

в доброе состояние привести и тщиться понесенный сей урон новыми бодрыми над турками действиями наградить. Для того надлежит вам, как возможно скорее, от себя кого к резиденту Аврамову, о котором надеемся, что он попрежнему нашим указам при нем, Тахмас Кулу-хане, обигается и велеть ему в том всевозможное старание прилагать»²⁷⁷.

Еще до миссии Голицына российское правительство требовало от Левашева и русских представителей при иранском дворе всеми мерами препятствовать сближению Турции с Ираном. В указе на имя Левашева от 2 августа 1733 г., в частности, предписывалось: «войти в тесные обязательства с Тахмас Кулу-ханом и персами для сильнейшего действия их против Порты, по действительном со стороны России вспоможении»²⁷⁸. В этом же указе командующему русскими войсками предлагалось немедленно сообщить Надиру о намерении крымского хана напасть на Иран и о разгроме его войск у крепости «Святой крест».

Российская дипломатия всячески внушала Надиру мысль о необходимости вести военные действия против Турции, обещая ему свою помощь. Российское правительство изъявило готовность улучшить отношения с Ираном и тем самым удержать крымского хана «от нападения на Персию»²⁷⁹.

14 сентября 1733 г. через Левашева иранскому правительству было предложено обменяться дипломатическими представителями. При этом отмечалось, что со стороны России уже отправлен министр²⁸⁰.

В начале 1734 г. представители российского правительства, находившиеся в Иране, побуждали колеблющегося Надира не-

---

²⁷⁷ Сб. ИРИО, т. 106, СПб., 1899, стр. 446.

²⁷⁸ АКАК, т. II. Добавление к 1-му тому, стр. 1095.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же, стр. 1096.

медленно начать военные действия против Турции. Генерал Левашев и князь Голицын 2 февраля 1734 г. получили секретное донесение Неплюева о том, что «из Константинополя прислан тайно в Персию некто французский консул и лекарь Гальвани, – для мирных ли негоциаций или шпионажа, или, наконец, с тем, чтобы отравить Тахмасиб Кули-хана»²⁸¹.

Засылая в Иран своего агента Гальвани, Франция стремилась обеспечить себе роль посредника в предстоящих мирных переговорах между Турцией и Ираном. Гальвани должен был добиться свободного доступа к Надиру, чтобы умертвить его²⁸².

Эти сведения представители российской дипломатии передали Надиру через Аврамова. Посланники Ирана в Петербурге Ахмед-хан и Мирза Касим были приглашены на прием, где им сообщили «некоторые важные тайные и подлинные известия»²⁸³, о намерениях Турции и Франции в отношении Ирана.

В связи со всеми этими событиями при дворе султана состоялось заседание тайного совета с участием французского посла, на котором обсуждался вопрос о том, что следует «поступать с ним (Надиром. – А. А.) обманчиво, дабы привлечь время и между тем стараться собрать против него все свои силы»²⁸⁴. Одновременно турецкое правительство отправило к Надиру муллу с «предложениями о мире, обещаниями знатных уступок», повелев «ему разными таковыми предложениями усыплять Тахмасиб Кули-хана и удерживать от дальнейших против Порты действий, пока она придет в надлежащие свои силы»²⁸⁵.

Турецкие власти велели своим агентам в Иране «производить в народе и в войске персидском против Тахмасиб Кули-хана

---

²⁸¹ Там же.

²⁸² Там же, стр. 1097.

²⁸³ АКАК, т. II. Добавление к 1-му тому, стр. 1097.

²⁸⁴ Там же, стр. 1098.

²⁸⁵ Там же.

возмущение и под предлогом восстановления прежнего шаха производить оное по всей Персии»²⁸⁶.

В этот период русская дипломатия сделала правящим кругам Ирана следующее откровенное заявление: «Мы отнюдь допустить не можем, чтобы сие [турки] в Персии усилились, толь меньше еще оное овладели; на каковой коней в нужных случаях готовы с нашей стороны не токмо в Персии, но и Европе сильно действовать против Порты»²⁸⁷.

До сведения иранских послов было доведено о готовности российского правительства заключить союз с Ираном, и те обещали сообщить об этом Надиру и подготовить его к заключению союзного договора против Турции.

В феврале 1734 г. Мирза Касим доносил Надиру: «нужно вам повелеть отправленного к вам русского уполномоченного министра князя Голицына, проживающего ныне еще в Баку, к себе принять и с ним или через своего уполномоченного с командующим там генералом Левашевым, к которому вновь отправлено войско, артиллерия.., вступить в подробное соглашение. Но с надеждою и успехом можете союза сего с Россией достигнуть единственно через сильное предложение с Портою войны и ежели вы так поступите, то дела наши счастливо совершены быть могут»²⁸⁸.

Основываясь на секретных сведениях, полученных от русских представителей, Мирза Касим сообщил Надиру, что заявление Турции о желании заключить мирный договор – лишь маневр и она втайне готовится к внезапному нападению на Иран. Поэтому, писал Мирза Касим, «с турками мира отнюдь не заключать и воспользоваться доброжелательным России советом, чтобы для удобнейшего завоевания Вавилона, разоря

---

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же, стр. 1099.

²⁸⁸ АКАК, т. II. Добавление к 1-му тому, стр. 1099.

провинции Диарбекир, перенести театр войны к стороне Эривана, где от России способнее подано вам быть может вспоможение»²⁸⁹.

Все эти предложения Мирза Касима в марте 1734 г. были отправлены со специальным гонцом.

Несмотря на действия русской дипломатии, колебания Надира продолжались: он был склонен заключить мир с Турцией и одновременно захватить прикаспийские области Азербайджана. 28 марта 1734 г. по его настоянию иранские послы внесли на обсуждение предложения, сводившиеся к обязательству России оказать шаху помощь войском и вернуть Ирану прикаспийские области Азербайджана²⁹⁰.

В ответ на это Коллегия иностранных дел вновь довела до сведения иранских послов, что эти предложения будут приняты лишь в том случае, если Иран будет действовать против Турции решительно.

После длительных переговоров князь Голицын получил разрешение на въезд в Центральный Иран и в мае 1734 г. прибыл в Исфаган, где немедленно начал переговоры «с доверенным человеком от Тахмасиб Кули-хана – Хулафою»²⁹¹. В ходе переговоров русскому уполномоченному пришлось преодолеть много трудностей. По мнению Голицына, Надира побуждало к миру тяжелое внутреннее положение Ирана. «Народ разорен войною..., – писал Голицын в Петербург. – ...войска Кули-хана не любят, так что едва ли не всякий желает ему погибели, держится он одним страхом, за малую вину казнит смертью»²⁹².

Надир был недоволен тем, что российское правительство не желало возвращать Ирану все прикаспийские области и в первую очередь Баку и Дербент²⁹³.

²⁸⁹ Там же

²⁹⁰ Там же, стр. 1098.

²⁹¹ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 4, т. XX, стр. 1331.

²⁹² Там же, стр. 1331 – 1332.

²⁹³ Там же.

В беседе с Надиром князь Голицын пришлось протестовать против требования вернуть под власть Ирана живущих в районе Астары и Тальшских гор кочевников, которые, подняв антииранское восстание, приняли Российское подданство.

Надир со своей стороны пошел на крайность, заявив Голицыну: «Мне в вашей помощи нет нужды, особенно теперь, когда я помирился с турками, поэтому объявляю, что соединюсь с ними, с разных сторон пойдем войной против России, до самой Москвы. Я был на турок сердит и хотел итти на них войной, но вы принудили меня остановиться, потому что Баку и Дербента не отдаете»²⁹⁴.

Таким образом, Азербайджан являлся основным объектом военно-дипломатической борьбы трех держав. Азербайджанский вопрос постоянно дебатировался между Россией и Ираном. Россия же не желала сближения Ирана с Турцией; аналогичную позицию занимала Турция в отношении Ирана и России.

Надир во главе большого войска пошел к Араксу, а затем летом 1734 г. вторгся в Ширваи. Это произошло вслед за убийством Сурхай-ханом посланника Надира, который передал ему требование о сдаче Ширвана²⁹⁵.

В августе 1734 г. войска Надира заняли Шемаху²⁹⁶. Город был полностью опустошен и разрушен. Из военно-политических соображений Надир переселил население Шемахи на новое место у Ахсу, неподалеку от разрушенного города. Оставив правителем Магомед Кули-хана Саидли, Надир во главе огромного войска двинулся в Кази-Кумух, чтобы окончательно разгромить Сурхай-хана.

Если до 1734 г. Азербайджан был в основном объектом дипломатической борьбы между державами то, начиная с лета 1734 г.,

²⁹⁴ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 4, т. XX., стр. 1331–1334.

²⁹⁵ А. К. Бакиханов. Ук. соч., стр. 113, 114. Алкадари. Асари Дагестан, стр. 63–64.

²⁹⁶ А. К. Бакиханов. Ук. соч., стр. 113, 114.

его территория превратилась в арену военных действий между двумя захватчиками – Турцией и Ираном.

Захват Ширвана позволил Надиру занять выгодную позицию между Турцией и Россией, угрожая как русским войскам, находившимся в то время в Баку, так и турецким оккупационным войскам, расположенным в Грузии²⁹⁷. Однако приближавшаяся зима делала дальнейшие военные действия и само пребывание в горах Дагестана весьма затруднительным для армии Надира, которая по Хачмасской дороге двинулась на юг и, пройдя через Шеки, в середине октября подошла к Гяндже²⁹⁸.

Иранские захватчики нещадно грабили население Азербайджана: для нужд армии у крестьян силой отбирали продовольствие и скот²⁹⁹. В ответ на бесчинства народные массы Азербайджана, ведущие и раньше борьбу против турок, теперь поднялись на освободительную борьбу против иранских захватчиков.

В октябре 1734 г. Надир начал осаду Гянджи, где находился большой турецкий гарнизон под командованием Гаджи Али-паши и крымского султана Фаты-Гирея, усиленно оборонявший крепость³⁰⁰.

Пока шла осада, Надир обратился к русскому послу, находившемуся тут же, с требованием возвратить Ирану прикаспийские области Азербайджана с Баку и Дербентом. России не хотелось осложнять свои отношения с Ираном, и 23 сентября 1734 г. князь Голицын получил от петербургского двора указание: «засвидетельствовать векилю Надир Али-хану с российской стороны удовольствие о полученном уверении в продолжении доброжелательных его поступков и твердом на-

²⁹⁷ П. Г. Б у т к о в. Ук. соч., ч. I, стр. 126; сб. ИРИО, т. 76, СПб., 1891, стр. 307.

²⁹⁸ В. Н. Л е в и а т о в. Ук. соч., стр. 102.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ М и р х о н д. Роузат-ас-Сафа, т. VII, стр. 224.

мерении содержать между обеими странами заключенный дружественный трактат»³⁰¹.

Надир отправил в Петербург специального посланника с полномочиями заключить с Россией новый договор. Генерал Левашев со своей стороны получил инструкцию, в пяти пунктах которой излагался проект будущего договора. Содержание ее сводилось к тому, что Россия готова оказать всяческую помощь Надиру «по восстановлению в Персии спокойствия, остальные персидские провинции непременно без удержания возвращены быть имеют»³⁰².

Российское правительство приказало Левашеву отправить из Баку несколько пушек с боеприпасами в Гянджу в помощь Надиру с тем, однако, условием, чтобы не давать туркам повода к преждевременному разрыву мира с Россией. Левашеву предписывалось: «в необходимом случае объявить туркам, что оные пушки не наши, а персидские»³⁰³. Левашев распорядился отправить также инженерного офицера и четырех бомбардиров³⁰⁴, которыми Надир остался очень доволен.

Итак, переговоры между Ираном и Россией возобновились. Чрезвычайный посол Гусейн-хан в сопровождении русского резидента Авраамова 5 декабря 1734 г. прибыл в Петербург, а 8 декабря был принят Анной Ивановной³⁰⁵. В результате переговоров с ним было достигнуто окончательное соглашение.

Голицын довел до сведения Надира решение российского правительства: «Императрица, имея полную надежду на скорое очищение Персии от неприятелей [турков], согласна... возвратить ему»³⁰⁶ прикаспийские области с Баку и Дербентом.

³⁰¹ АКАК, т. II, Дополнение к 1-му тому, стр. 1110.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ С. М. С о л о в ь е в. Ук. соч., кн. 4, т. XX, стр. 1233.

³⁰⁵ П. Г. Б у т к о в. Ук. соч., ч. I, стр. 126–127.

³⁰⁶ С. М. С о л о в ь е в. Ук. соч., кн. 4, т. XX, стр. 1333.

По этому поводу английский посол в Петербурге поспешно доносил лорду Гаррингтону: «Проживавший здесь некоторое время персидский посланник возвратился вполне удовлетворенным, так как русский двор совершенно откровенно заявил ему о решении своем возвратить Дербент и Баку, как скоро персы окажутся в силах предотвратить турецкую агрессию»³⁰⁷.

Внешнеполитическая обстановка сложилась неблагоприятно для России. Антироссийская политика западноевропейских держав, подготовка Турции к войне, усиление потенциального противника в лице Ирана и прочие факторы ослабляли позицию России в прикаспийских областях Азербайджана. Российская дипломатия ценой уступки, сделанной Надиру, пыталась использовать Иран в борьбе против главного своего врага – Турции.

10 марта 1735 г. с участием князя Голицына в ставке Надира под Гянджой был заключен второй, после Рештского, договор России с Ираном. Русские войска были выведены из Баку и Дербента на кавказскую линию. Согласно Гянджинскому договору, прикаспийские области Азербайджана оставались за Ираном. Вместе с тем договор закреплял привилегии русских купцов и их право на беспошлинную торговлю в Иране и подвластных ему странах³⁰⁸.

Между тем такая серьезная уступка Ирану не была оправдана. Правительство Анны Ивановны оказалось не в состоянии правильно оценить все значение прикаспийских областей для России. Надир вскоре прекратил войну с турками, нарушив обязательство, данное России, и заключил сепаратный договор о разделе Закавказья между Ираном и Турцией.

Таким образом, Азербайджан вновь оказался под гнетом иранских феодалов, и его вхождение в состав России задержалось почти на столетие.

³⁰⁷ Сб. ИРИО, т. 76, СПб., 1891, стр. 384–385.

³⁰⁸ Т. Юзефович. Договоры России с Востоком, СПб., 1869, стр. 202–207.

3. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ МЕЖДУ ДЕРЖАВАМИ ЗА АЗЕРБАЙДЖАН

Борьба за Азербайджан и Дагестан между Ираном и Турцией приняла острый характер. Весной 1735 г. турецкий султан направила на помощь осажденному гарнизону Гянджи большое войско под командованием Абдулла-паши. Оставив под Гянджой часть войска, Надир в конце мая двинулся навстречу Абдулла-паше; а 8 июля северо-восточнее Эчмиадзина напал на турецкие отряды, разгромил их и взял в плен самого Абдулла-пашу. Вместе с другими пленными он был казнен по указанию Надира. После поражения под Эчмиадзином турецкие гарнизоны в Тбилиси и Ереване решили сдаться.

Азербайджанский народ, боровшийся против владычества Надира, одновременно выступал и против турецких захватчиков. Так, в Гяндже, где еще стояли турецкие войска во главе с Сары Мустафа-пашой, в 1735 г. произошло восстание. В документах говорится, что гянджинцы «сделали заговор в одну ночь. Каждый хозяин своего постояльца непременно умертвил. В одну ночь истребили весь турецкий корпус, но паша спасся бегством в Ереван»³⁰⁹.

Известие о победе Надира заставило турецкое правительство поторопиться с отправлением крымского хана через Дагестан в Азербайджан для действий против Ирана. 15 мая 1735-г. русские дипломатические представители в Турции Неплюев и Вешняков доносили, что «Порта приняла решение отправить крымского хана с 70-тысячными войсками в Персию»³¹⁰. Английский посол при султанском дворе принимал самое активное участие в решении этого вопроса, уговаривая даже Вешнякова содействовать пропуску крымских войск через Северный Кав-

³⁰⁹ Архив ВПР, ф. Персид., оп. 77/1, д. 2, л. 163.

³¹⁰ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 4, т. XX, стр. 1329.

каз. В беседе с Вешняковым он сказал, что «Россия могла бы пропустить татар, находясь в нейтралитете»³¹¹. Сообщая об этом, Вешняков не удержался от восклицания: «Как сим министром быть, ибо так явно бесстыдно злодействуют»³¹².

Тем временем Турция надеялась с помощью крымского хана снова укрепиться в Северном Азербайджане, Дагестане и Кабарде и таким образом создать барьер между Россией и закавказскими странами.

Английское правительство, получив сведения о поражении турецких войск под Ереваном, немедленно, велело своему послу в Петербурге приложить все усилия, чтобы не допустить разрыва отношений между Россией и Турцией, чтобы не поставить последнюю под двойной удар. Английский посол в Константинополе, сообщая своему петербургскому коллеге К. Рондо о победе Надира над турками, выражал удовлетворение тем, что «это событие, конечно, успокоит русский двор... так как Порты, потерпев такое поражение от персиян, вряд ли захочет еще восстанавливать против себя и Россию»³¹³.

В своем ответе от 2 августа 1735 г. Рондо писал: «Здесь министры вообще обещают по возможности избежать разрыва, но, кажется, есть основание опасаться, что раз хан двинется, русские будут противодействовать ему всеми силами: они прямо заявляют, что не терпят ни поражения Тахмаса [Надира], ни тем более водворения на Каспийском море турок»³¹⁴.

Правящие круги Англии стремились создать блок Турции и Ирана и натравить его на Россию, чтобы ослабить и отвлечь ее внимание от Закавказья. Эта политика, естественно, проводилась тайно, чтобы не дать повода «к жалобам русского и австрийского резидентов»³¹⁵.

³¹¹ Там же.

³¹² Там же.

³¹³ Сб. ИРИО, т. 76, СПб., 1891, стр. 425.

³¹⁴ Там же, стр. 426, 427, 428.

³¹⁵ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 4, т. XX, стр. 1329.

Вопреки интригам Англии Неплюев в своих донесениях настаивал на открытии военных действий против Турции. Он писал двору, что для смирения Турции достаточно «вступления хотя малого русского корпуса в их землю»³¹⁶. Если Турция заключит союзный договор со Швецией против России, «тогда надобно ожидать от него больших бедствий»³¹⁷. Далее Неплюев старался убедить царицу, что самый верный путь удержать Турцию от захвата Закавказья с помощью крымского хана – «это быть в готовности к войне, чем охоты к миру»³¹⁸.

В эти годы российское правительство деятельно готовилось к войне за освобождение Азова для обеспечения безопасности южных границ империи от разбойничьих набегов крымского хана. С целью сосредоточения вооруженных сил против Турции правительство России, выполняя договорные обязательства, спешило вывести войска из прикаспийских обчастей. 27 июня 1735 г. генерал Еропкин сдал Дербент назначенному Надиром персидскому султану, прибывшему с пятитысячным войском, и вывел русские войска в составе 4 полков из города³¹⁹.

Установившиеся относительно нормальные отношения с Ираном позволили России приступить к осуществлению своего плана в отношении побережья Азова.

Старания английской дипломатии удержать Россию от разрыва отношений с Турцией оказались безуспешными. По этому поводу К. Рондо 20 декабря 1735 г. писал лорду Гаррингтону: «Последние известия, полученные здесьними министрами из Константинополя, сообщают о чрезвычайной тревоге, возбужденной в Порте известием о движении русских войск в Крыму, тем более, что тяжелое положение турецких дел в Персии ей в

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Иоганн Лерх. Ук. соч., стр. 44.

настоящее время противится этому движению... Царица вскоре будет располагать на Украине очень значительными силами и можно опасаться, как бы весною она не предприняла против турок чего-либо очень значительного»³²⁰.

Крымский хан, оценив обстановку, поспешно отступил в Крым³²¹.

В Азербайджане и Дагестане народные массы упорно сопротивлялись иранским захватчикам³²².

После дербентского похода Надир приказал феодальной знати Ирана и завоеванных стран собраться на Мугани у слияния рек Куры и Аракса (Джавад), чтобы здесь провозгласить свое восшествие на иранский престол. В марте 1736 г., после насильственной смерти малолетнего шаха Аббаса III Надир провозгласил себя шахом Ирана³²³.

³²⁰ Сб. ИРИО, т. 76, стр. 470.

³²¹ Сб. ИРИО, т. 76, д. 250, стр. 485. Донесение К. Рондо лорду Гаррингтону от 21 февраля 1736 г.

³²² «...Шах сам выступил покорить население магалов Етег и Хиналык и учинил им избиение. Затем, послав около 6000 войска, он поверг... жителей Докуз-паринских и Ахти-паринских селений, а часть войска направил со стороны селения Кабир на преграждение путей людям, бежавшим из Ахти-Кумух. Большинство бежавших оттуда лиц, наткнувшись на преграждавших дорогу, было последними убито или взято в плен. После подобной же расправы с населением Самурского округа и Кубинского уезда Надир-шах со своим войском отправился в Дербент» в ноябре 1735 г. (Г. А л к а д а р и . Асари-Дагестан, Махач-Кала, 1929, стр. 66).

³²³ Среди многих авторов средневековья и буржуазных историков существует мнение, что выбор Надиром Мугани был обусловлен тем, что здешние пастбища могли обеспечить кормом его многочисленную конную армию. На наш взгляд, дело не только в этом. Надо полагать, что выбор места для коронации Надира определили военно-политические соображения. В нашем распоряжении имеются данные, подтверждающие это предположение. Стремление Надира собрать на территории Азербайджана большое количество войск было вызвано его желанием показать народам Закавказья и Дагестана свою силу и мощь. На торжестве по поводу его коронации на огромной равнине было собрано большое количество войск и людей. «Над головными частями моста реки

Преследуя недовольных, Надир подвергал их публичной казни³²⁴. Так он наказал Угурлу-бека и других гянджинских феодалов³²⁵ за неподчинение его воле.

С 1736 г., как уже было сказано, Надир стремился к миру и сближению с Турцией. Ему хотелось покончить с этой тяжелой войной, чтобы направить все силы на подавление народных восстаний. Кроме того, заключением мирного договора с Турцией правительство Надира стремилось создать необходимые условия для предстоящих походов против Афганистана и Индии и добиться официального признания перехода Закавказья к Ирану. В связи с этим Надир отправил в Константинополь своих послов³²⁶.

Куры сделаны были две башни, – пишет участник сбора на Мугани Авраам Кретацци, – вроде крепостных и внутри их приготовлены были пушки, чтобы враг не мог неожиданно совершить нападение и повредить мост, а также охрана стояла над ним, которая охраняла день и ночь, и никто не имел права переходить без разрешения, ибо это была дорога в Шемаху–Дербент». (Научн. архив Ин-та истории АН Азерб. ССР инв. № 800, лл. 37–36).

Возникает вопрос, против кого были направлены эти предосторожности? Ведь Надир не так давно разбил турок и по крайней мере в это время был гарантирован от возможности их нападения. Не могло быть угрозы и со стороны России, с которой после заключения гянджинского договора он установил мирные отношения, а русские войска были далеки от Азербайджана.

Надир опасался, как сам он признался на коронации, народа, которому он принес большие беды. «Я знаю, что многие недовольны мною, – говорил он, – и они правы, ибо я у многих отнял их товар, многих умертвил, некоторых погубил, и у многих отнял золото и серебро, разорил много мест, страну привел в трепет.» (Авраам Кретацци. История Надир-шаха. Научн. архив Ин-та истории АН Азерб. ССР., инв. № 800, лл. 66–67).

Широкие народные массы Азербайджана были недовольны иранскими захватчиками. Недовольство Надиром имело место и в среде азербайджанских феодалов: он ограничивал, стеснял их права, а иногда и захватывал их владения. Известно, например, о несогласии гянджинского беглярбека Угурлу-бека с «избранием» Надира шахом.

³²⁴ Донесение К. Рондо лорду Гаррингтону от 22 мая 1736 г. Сб., ИРИО, т. 76, д. 267, стр. 513.

³²⁵ Мирза Адигезал-бек. Карабаг-наме. Баку, 1950. стр. 48.

³²⁶ А в р а а м К р е т а ц ц и . История Надир-шаха, стр. 84.

Воспользовавшись мирным предложением Надира, английская дипломатия вновь решила осуществить свой давний план относительно ирано-турецкого союза, направленного против России.

Предварительные переговоры между представителями Ирана и Турции начались в Эрзеруме в мае 1736 г. Однако они не увенчались успехом. Дело в том, что по третьему пункту Гянджинского договора Россия и Иран обязывались не заключать сепаратного мирного договора. Турция же категорически воспротивилась участию российских представителей в переговорах, мотивируя это тем, что Россия с 12 апреля 1736 г. является воюющей против нее стороной.

После провала этих переговоров российское правительство надеялось, что Надир возобновит военные действия против Турции. Россия же обещала иранскому послу в Петербурге не заключать мира без соглашения с шахом, так «как он великодушно отказался от выгодного мира с Портою, когда султан не согласился допустить и Россию к участию в мирном договоре»³²⁷.

Однако «великодушие» Надира продолжалось недолго. Он приказал иранскому послу в Константинополе продолжать переговоры с Турцией втайне от России. Английский посол в Константинополе К. Рондо сообщал, что иранский посол держит себя гордо и надменно³²⁸ и предложения Надира остаются неизвестными.

Английская дипломатия была обеспокоена тем, что российское правительство, узнав о прибытии иранских послов в Константинополь, могло помешать переговорам и заключению договора. В связи с этим К. Рондо получил срочную инструкцию от 9 сентября 1736 г., в которой ему предлагалось срочно

³²⁷ Сб. ИРИО, т. 76, стр. 545.

³²⁸ Там же, т. 80, СПб., 1896, стр. 37.

разведать, «знают ли при русском дворе об этом событии и существует ли между Россией и Персией какое-либо соглашение касательно примирения или касательно плана и способов дальнейших военных действий»³²⁹.

Вопреки желаниям России в ноябре 1736 г. Турция при усиленном вмешательстве английского посла заключила мирный договор с Ираном. По этому поводу К. Рондо писал: «Заключение мира между султаном и шахом конечно не может не быть крайне неприятным для русских».

О том, что, заключая мир с Турцией, Надир стремился высвободить силы для подавления восстаний, свидетельствуют следующие сообщения иранского посла графу Остерману: «Получил от шаха Надира указание дать петербургскому двору строжайшие уверения в том, что никогда не признает мира, купленного турками, не ратифицирует договора, написанного его послом в Константинополе, но найдет повод выиграть время и поступит сообразно с ходом событий, а пока постарается усмирить открыто восставшие против него... некоторые части его государства, жители которых удалились в горы»³³⁰.

И действительно, подавив ряд антииранских выступлений, Надир решил не ратифицировать мирный договор с Турцией, стремясь улучшить пошатнувшиеся отношения с Россией.

4. ИРАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В РОССИИ

В начале 1740 г. усилилось стремление Надира к сближению с Россией. После успешного похода в Индию он направил в Россию чрезвычайным послом своего родственника Сардар-

³²⁹ Там же.

³³⁰ Сб. ИРИО. т. 80, стр. 93–94.

хана с несколько странной свитой –16-тысячным войском, 20 пушками и многочисленными подарками.

Российское правительство, заранее осведомленное о приближении к границам иранского посла в сопровождении многочисленного войска, послало ему навстречу в Астрахань генерал-майора Апраксина. От имени своего правительства Апраксин объявил, что в связи с недостатком продовольствия послу с такой многочисленной свитой трудно будет добраться до Петербурга³³¹. Сардар-хан оставил войска и, «имея при себе 1972 человека военных, следовал с ними в Петербург»³³².

Цель этого чрезвычайного посольства трактовалась поразному. Дипломатические круги Англии и Франции, стремясь поспорить Россию с Ираном, объявили, что Надир хочет завоевать Астрахань. Такого же мнения придерживались некоторые российские министры. Бутков, например, высказывал сенсационное предположение, что «настоящее его намерение, казалось, требовать в супружество царевну Елизавету Петровну, обещаясь ввести христианский закон в своих государствах»³³³.

Предположения, связанные с военными действиями против России, нам кажутся несоответствующими действительности. Надир, неплохо разбираясь в политике, не мог не понимать, что тяжелое внутреннее положение Иранского государства, связанное с восстаниями в подвластных странах, не сулит ему ничего хорошего в случае рискованной войны с Россией. Что же касается высказывания Буткова, то абсурдность его очевидна.

Надира не могло не беспокоить то обстоятельство, что отдельные владетели Азербайджана и Дагестана просили.

Россию принять их в свое подданство. Дагестанские народы и азербайджанцы, испытав тяжесть иранского гнета, искали

³³¹ П. Г. Бутков Ук. соч., ч. I, стр. 209.

³³² Там же, стр. 210. Примечание.

³³³ Там же.

помощи со стороны России. Поэтому Надир боялся, как бы Россия не оказала им помощь, и обрушил новые удары на народы Азербайджана и Дагестана, куда в мае 1741 г. он предпринял очередной поход. Шах полагал, что без полного покорения Дагестана ему трудно будет удержать за Ираном богатое Закавказье. Опасаясь влияния России, Надир рассчитывал этим походом продемонстрировать свою мощь, чтобы убить у закавказских народов всякую надежду на избавление из-под иранского владычества³³⁴.

В начале лета 1741 г. многочисленная армия Надир-шаха, пройдя через азербайджанские города – Барду и Кабалу, вступила в Дагестан (Кази-Кумух). Приближение Надира к границам России послужило поводом для новых интриг дипломатических кругов Англии и Франции, горевших желанием толкнуть Иран на войну против России.

Французский посол в Петербурге де ла Шетарди активно добивался сближения иранского и турецкого послов. В беседе с последним он, например, многозначительно заметил, что если Надир снова начнет военные действия, то положение Турции будет весьма критическим³³⁵.

Для того чтобы ободрить правительство Турции, французский и английский послы в Петербурге в августе 1741 г. распространили слух о том, что переговоры между Россией и Ираном не увенчались успехом и основной причиной этого является астраханский вопрос, так как «астраханское царство всегда было магометанским»³³⁶. Де ла Шетарди 2 сентября 1741 г. писал о возможности сближения Турции с Ираном: «Средство это заключается, в том, что общие религиозные интересы могли бы соединить турок и персов так, что, исходя из этого прин-

³³⁴ В. И. Левиатов. У к. соч., стр. 110.

³³⁵ Сб. ИРИО, т. 96, д. 38. стр. 213.

³³⁶ Там же, д. 53, стр. 263.

ципа, они обратили бы свои взоры на возвращение под власть последних магометанского государства, которое было отторжено от Персии; Астрахань, которую я под этим разумею, могла бы привлечь к себе внимание и честолюбие шаха Надира. Шах вполне овладеет, таким образом, Каспийским морем»³³⁷.

Вопреки англо-французским интригам русская дипломатия стремилась улучшить отношения с Ираном. Еще в марте 1741 г. российский посол в Иране Иван Калушкин получил указание «войти в кредит у шаха и во всяком случае уверять его в нашем искрением намерении жить в дружбе с Персидским государством»³³⁸. Однако неудачные военные действия против повстанцев в Дагестане летом 1741 г. вновь привели к обострению отношений Ирана с Россией. Надир обвинял русское командование в Кизляре в том, что оно оказывает тайную помощь восставшим. В заявлении, обращенном к армии, Надир писал: «В Дагестане более дела нет, ибо... лезгинцы истреблены, а которые остались, скитаясь по горам, от голода сами погибнут. Поэтому не усматриваются причины еще за ними трудиться»³³⁹.

В 1741 г. снова заговорили о войне Надира с Россией. Иранский посол в Петербурге подробно описал ему пути в Россию и пограничную крепость Кизляр. Послал агентов в Кабарду, чтобы установить количество войск, расположенных в пограничных районах. «Приготовления шаха к войне, – писал не без основания Братищев, – подтверждались еще тем обстоятельством, что в лагерь персидский со всех сторон и из дальних и из ближних городов привозился провиант, хотя великою тягостью»³⁴⁰.

³³⁷ Сб. ИРИО, т. 96, д. 70, стр. 366.

³³⁸ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 5, т. XXI–XXVI стр. 84.

³³⁹ Русский архив, 1889, ч. I, стр. 373–374. Россия и Персия в конце 1742 г. (из писем переводчика Братищева к канцлеру князю Черкасскому).

³⁴⁰ Там же.

Надир-шах очень любезно принял посланника султана Юсуф-пашу и передал через него письмо великому визирю, в котором отметил, что с благодарностью принимает предложение султана об обмене дезертирами и считает турецкого султана старшим, а себя – младшим братом³⁴¹.

Обо всех этих событиях российское правительство получало подробные сведения от своего посла в Иране Калушкина и переводчика Братищева. Оба они в своих донесениях настаивали на том, чтобы правительство России изменило свою умеренную политику в отношении честолюбивого шаха. Калушкин советовал даже прекратить на некоторое время торговые отношения с Ираном³⁴². Однако все эти предложения отвергались кабинетом министров, пока правительство Остермана не подало в отставку.

В 1742 г. в прикаспийских областях создались некоторые внутренние условия для возвращения их России. «Дербендцы, горожане и сельские жители, боясь истребления тирана, день и ночь просят у бога избавления, и подчинения России сочтут за великое счастье; одним словом, во всей Персии едва ли найдется один человек, который бы не имел склонность к русскому подданству»³⁴³, – писал Братищев.

Здесь необходимо остановиться и на некоторых других вопросах. Англия стремилась всеми мерами подорвать не только политические, но и торговые сношения между Россией и Закавказьем. Она оказывала нажим на иранское правительство, добиваясь предоставления ей льготных условий для торговли на Каспийском море. Дело в том, что заключенный в 1732 г. торговый договор между Россией и Ираном, выгодный для русских купцов, сильно ударил по внешней торговой политике Англии в Иране, в частности в Азербайджане.

³⁴¹ Там же. стр. 380–381.

³⁴² С. М. Соловьев, кн. 5, т. XXI–XXV, стр. 201.

³⁴³ Русский архив, 1889, № 3, стр. 374–375.

Россия со своей стороны была кровно заинтересована в концентрации иранской торговли на Волго-Каспийском торговом пути. Однако мероприятия российского правительства, направленные на урегулирование торговых отношений с Азербайджаном, не дали существенных результатов из-за интриг иранского двора и вмешательства Англии. В одном из донесений К. Рондо говорится: «что касается каких-либо торговых отношений России с Персией, смею утверждать, что с этой стороны опасаться нечего, несмотря на то, что Россия года три тому назад, правда, заключила с Персией весьма выгодный торговый трактат»³⁴⁴.

Англия настойчиво заставляла иранский двор всячески препятствовать торговым отношениям России с Азербайджаном. Дело дошло до того, что были созданы специальные пиратские шайки, которые захватывали суда русских, армянских, грузинских и азербайджанских купцов, грабили их товары, а самих брали в плен³⁴⁵. Так, в одном из донесений Арапов сообщал, что пиратами разграблены разбившиеся у шемахинских берегов русские суда³⁴⁶. Мазандеранский Таги-хан покровительствовал 22 пиратам, которые грабили русские суда. Каждому из них он платил по 50 руб. В Шабране 12 пиратов пользовались покровительством иранцев.

Русский консул в Исфагане Аврамов в связи с разбоем пиратов заявил протест, указывая, что, «принимая и защищая их, персидские власти поощряют развитие на море воровства, от которого сильно страдают купцы»³⁴⁷. Этот протест был поддержан российским правительством, которое сделало шаху предупреждение по поводу несоблюдения условий русско-иранских трактатов 1732 и 1735 гг.

---

³⁴⁴ Сб. ИРИО, т. 76, д. 286, стр. 545. Донесение Рондо к Вэлиполю от 24 июля 1736 г.

³⁴⁵ П. Г. Бутков. Ук. соч., стр. 168.

³⁴⁶ Русские консульства за границей, приложение 100.

³⁴⁷ В. А. Ульяновский. Русские консульства за границей в XVIII в., ч. II, приложение 45, 1899.

5. ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ДЕЛЬЦОВ В ПРИКАСПИИ

Мы уже отмечали, что в начале 40-х годов XVIII в. английская дипломатия настойчиво разжигала противоречия между Ираном и Россией, пытаясь обеспечить преимущественное положение английских купцов в районе Каспийского моря. Большие услуги в этом оказывал капитан Эльтон, который ранее поступил на русскую службу, строил торговые суда в Казани³⁴⁸, а затем перешел на службу к Надиру. В указе Рза Гули Мирзы от августа 1740 г. говорилось: «Как скоро сюда из Империи Российской прибудет кто-либо из почетного английского купечества, мы разрешаем ему и сим позволяем ему свободно выгрузить свои товары в любом порте Каспийского моря и оттуда доставить в любой рынок нашего царства»³⁴⁹.

Эльтон вместе с английским купцом Вудрофом совершил путешествие по берегам Каспийского моря, после чего составил проект, во введении к которому писал: «Северные провинции Персии производят в изобилии лучшие сорта шелка-сырца, которым снабжают... провинции и шелковые мануфактуры в Мешхеде, так и в Турции. Таких обильных шелком провинций три: Гилян, с главным городом Рештом, Ширван с главным городом Шемахой, Ареш... Две первые занимают юго-западные берега Каспийского моря, последняя же прилегает к ним и расположена неподалеку от Каспийского моря»³⁵⁰.

Показательно, что Эльтон предлагал английскому правительству иметь на Каспии свой флот³⁵¹. Однако излагать в проекте причины этого Эльтон считал неудобным.

---

³⁴⁸ Сб. ИРИО, т. 85. Спб., 1893, стр. 68-69.

³⁴⁹ Там же. Приложение.

³⁶⁰ Сб. ИРИО, т. 85, Спб., 1893, стр. 129–131.

³⁵¹ Там же, стр. 131.

«Очень выгодное положение Мешхеда относительно Гиляна, Ширвана и Ареша, – писал Эльтон, – даст возможность английским купцам приобрести в обмен на товар шелк-сырец почти на любую сумму»³⁵². Эльтон особо останавливается на северных провинциях и приходит к заключению, что даже торговля с северными провинциями, т. е. с.

Ширваном, Арешем и Гиляном, может принести большую пользу текстильным фабрикам Англии³⁵³.

«Вследствие всего вышеизложенного осмеливаюсь предположить, – писал Эльтон, – что всяческое поощрение нового торгового пути с северо-восточными провинциями Персии было бы достойным мудрости законодательной власти Великобритании, и не потому только, что указанным путем возникает новая отрасль торговли, способная к значительному расширению, но с другой стороны, еще и потому, что в исследованной части мира нет иного угла, на который возможно было бы распространить новые торговые предприятия с тою же выгодой для наших шелковых и шерстяных фабрик. Должен возникнуть обширный новый рынок для наших шерстяных изделий»³⁵⁴.

Предложенный Эльтоном проект торговой кампании полностью совпадал с захватническими планами Англии и был одобрен английским правительством. «Могу, однако, сказать по поводу плана Эльтона, – писал лорд Гаррингтон Эд. Финчу от 21 октября 1740 г., – что мысль об открытии предложенного им нового торгового пути встречает общее сочувствие, потому вы до получения более точных инструкций можете предпринять все возможное, дабы облегчить ее существование и поощрить задуманное предприятие»³⁵⁵.

³⁵² Там же, стр. 132.

³⁵³ Там же, стр. 138.

³⁵⁴ Там же, стр. 135–136.

³⁵⁵ Там же, стр. 247–248.

В 1742 г., когда войска Надира приближались к границам Российской империи по суше и отношения между обоими государствами стали напряженными, капитан Эльтон, плавая по Каспийскому морю, составил карту³⁵⁶ и наметил удобные места для строительства судов.

Надир-шах к этому времени задумал создать на Каспийском море свой флот, и в 1743 г. взял на службу капитан Эльтона³⁵⁷. «Представляя шаху свои услуги в делании море ходных судов и в заведении на Каспийском море флота и в обучении персиян мореплаванию, – писал Эльтон, я обещал ему, шаху, такие суда делать, на которых бы и конное войско морем перевозить можно, было»³⁵⁸. Выполняя, указания своих лондонских хозяев, Эльтон в беседе с Надиром особо подчеркнул, что «на Россию легко напасть»³⁵⁹.

Эльтону было назначено годовое жалованье в 6000 рублей и произвели его в адмиралы. Развив активную деятельность, он продолжал тщательное исследование Каспийского моря и вскоре приступил к строительству кораблей в Гиляне. В 1743 г. был построен первый корабль, на котором Эльтон обучал иранцев морскому делу³⁶⁰.

Эльтон оказывал Надиру важную помощь в обеспечении иранской армии. Прибыв в Гилян, консул Бакунин узнал от бывшего консула Арапова, что Эльтон вопреки запрету русского правительства привез из России в Решт на своем судне до 180 пудов олова плитами и до 800 пудов олова прутяного³⁶¹. В последующих донесениях Арапов сообщал, что и другой английский купец Грем прибыл в Решт с теми же товарами³⁶².

³⁵⁶ П. Г. Бутков. Ук. соч., ч. I, стр. 221.

³⁵⁷ В. А. Ульяницкий. Ук. соч., ч. I, приложение 105, стр. СССI VIII.

³⁵⁸ П. Г. Бутков. Ук. соч., ч. I, стр. 222.

³⁵⁹ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 5, т. XXI–XXV, стр. 202.

³⁶⁰ В. А. Ульяницкий. Ук. соч., ч. I, приложение 105, стр. СССI–VIII.

³⁶¹ Там же, приложение 99, стр. СССXXXIII.

³⁶² И. Лерх. Второе путешествие (1745–1747), стр. 47. Архив. Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 7–66

**ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
НАРОДА ПРОТИВ ИРАНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ**

I. НОВЫЕ ПОХОДЫ НАДИРА В АЗЕРБАЙДЖАН И ДАГЕСТАН

Ещё в конце 1742 г. Надир потерпел крупное поражение от дагестанских повстанцев, причем сам он чуть не был убит. Дела Шетарди пытался использовать это поражение для дальнейшего разжигания вражды к России, убеждая иранский двор и его посла в Петербурге в том, что главной причиной неудачи Надира в Дагестане является «участие, принимаемое здешним [петербургским] двором»³⁶³. Поддавшись на эту провокацию, Надир в конце 1742 и, начале 1743 г. активизировал враждебные действия против России. Казалось, вот-вот вспыхнет война. Однако народное движение в стране, развернувшееся в начале 1743 г., заставило Надира воздержаться от активных действий. Этому содействовало и то, что Надир боялся Турции, стремившейся к реваншу в Закавказье и ожидавшей для этого русско-иранского столкновения.

В феврале 1743 г. Надир-шах отступил из Дагестана в северные районы Азербайджана и остановился в Муганской степи³⁶⁴. Бутков так описывает это: «Тогда было свирепое безвременье; впоследствии великая зима и слякоть, явилось оскудением в провианте; открылся на людей и скот гибельный вред, голод был так велик в армии надыровой, что из мертвых трупов человеческих маркитаны делали котламу, т. е. пирожки с мясной начинкою, и продавали. Столько людей померло и скота всякого звания пало от бескормицы, что от реки Самура, даже до Шабрана, на расстоянии 55 верст, дорога человеческими трупами и падалицами была усеяна; а в походе от Шабрана дальше, по причине случившегося ненастья и метелицы, крайнее себе изнурение нанес и собственно шаховой конюшни больше тысячи мулл в дороге погибло, и еще с голоду и холоду немало число людей померло; и затем важнейшие из чиновников продолжали путь пешие от стана до стана»³⁶⁵.

20 марта 1743 г. Надир достиг Мугани, а через месяц направился к Тебризу.

В 1744 г. шахские войска предприняли четвертый поход в Азербайджан и Дагестан. Российская дипломатия вновь без всякого основания забеспокоилась о безопасности южных границ империи. Братищев 13 декабря 1744 г. писал коменданту Кизляра князю Оболенскому: «В подтверждение прежних моих

³⁶³ Сб. ИРИО, т. 96, д. 101. стр. 579, 580.

³⁶⁴ Д. Ханвей. Ук. соч., т. II, стр. 416.

³⁶⁵ П. Г. Бутков. Ук. соч., стр. 226–227.

писем, предьявляю вашему сиятельству продолжать при Кизляре крепчайшие осторожные меры и содержать андреевских и астраханских владельцев в порядочном состоянии, ибо шах подлинно к Дербендской стороне пойдет и в Шамхальском владении подвиги учинить похочет»³⁶⁶.

Посланный комендантом Кизляра князем Оболенским казак Кантамир Бабатаев 11 декабря 1744 г. сообщал, что «шах персидский с войском паки следует в Дагестан и пришел уже на Мингечаурскую степь»³⁶⁷.

В 1744 г. Надир «с войсками от турецкой границы возвратился и прибыл на урочище речку Арас, не доезжая до Шемахи за два дня, с намерением зимовать нынешнюю зиму [1744 г.] на Мингечаурской степи»³⁶⁸.

Прибыв на Мугань, Надир обвинил правителя Дербента в связи с Россией, приказал взять его под стражу и на его место назначил Ашур-хана, который привез «с собою в Дербент провианту бесчисленно много, а дербентских всех старшин и старшинских детей всех велел привести в шахов лагерь»³⁶⁹.

Российские власти внимательно наблюдали за приближением Надир-шаха к границам. Кантамир Бабатаев сообщил Оболенскому: «в персидском лагере все говорят, что шах персидский имеет намерение итти с Россиею воеваться»³⁷⁰.

Оболенский составил подробное донесение в государственную военную коллегия, где сообщал о захватнических намерениях иранского шаха, и просил инструкцию для предотвращения возможного нападения его. При этом он жаловался на астраханского губернатора Татищева, который никаких ука-

³⁶⁶ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8, л. 13 об.

³⁶⁷ Там же, л. 15.

³⁶⁸ Там же. л. 16.

³⁷⁰ Там же.

⁸⁷¹ Там же. лл. 22–23.

заний на этот счет не дает и даже считает ненужным увеличить гарнизон в Кизляре, т. к. это противоречит мирным отношениям России с Ираном.

«Но его господина губернатора Татищева мнение, – писал Оболенский, – со укоризанною и замыслами шаха персидского не сходно. Понеже шах персидский по сию сторону Дербента к туркам нечаянно минувшего 1744 г. декабря 30 дня пришел и по известиям оной шах с Моганской степи из-за Куры в 30 тысячах войска своего выбранного к Дербенту в шестой день поспел и ежели бы вознамерился здесь в Российских границах какое злое нападение учинить, то бы в то время уже никакому сии курсу за многими степными препятствиями из Астрахани поспеть невозможно»³⁷¹.

Как уже было отмечено, в начале 40-х годов XVIII в. Россия старалась склонить горские народы под свое покровительство и поручила это князю Долгорукову. Однако, по словам Оболенского, малочисленность русских войск в Кизляре вызывала колебания у горцев, которые делали из этого вывод, что Россия не в силах оказать им действительную помощь. «Поэтому, – отмечал Оболенский, – усиление русских войск в Кизляре даст возможность склонить горские народы к России»³⁷².

Русское командование на Кавказе немедленно приступило к укреплению границ. В Кизляр дополнительно было отправлено под командованием генерал-лейтенанта Еропкина шесть полков драгун, часть которых должна была вместе с казаками находиться в лагере у реки Койсу для наблюдения³⁷³. Кроме того, были приняты меры для объединения против Надира сил ряда дагестанских владельцев, находившихся под русским влиянием³⁷⁴.

³⁷¹ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8, лл. 4-12.

³⁷² Там же.

³⁷³ И. Лерх. Второе путешествие (1745–1747 гг), стр. 44.

³⁷⁴ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8, лл. 22-23.

Поставив в известность астраханского губернатора Татищева о сложившейся обстановке, Оболенский попросил инструкцию на тот случай, если Надир «приближаться будет к Российским границам, а иногда опасные свои замыслы показывать будет»³⁷⁵.

В начале января 1745 г. в Дербенте Надир созвал горских старшин, назначенных его указом, призвал их быть послушными новому шамхалу Эльдару Канабургскому и, не скрывая своих замыслов, сказал: «Пожелаю ехать в Россию воевать, то пришлю за вами сына своего и вы будете послушны и во всякой готовности»³⁷⁶.

Другой архивный документ сообщает, что, когда вместе с шамхалом Эльдаром к Надиру пришли четверо феодалов-стариков, он сказал: «Бездельники вы... разве вы не видите андреевцев и аксаковцев, что живут оные у Российской государыне в подданстве, однако верности своей не нарушают и почитают ее, а вам разве кроме моего владения разорять некого, а ежели жилище разорять и оттого себя добыч и славу получать... разорайте де Кабарду и Калмык...»³⁷⁷.

Провоцируя горцев против России, Надир хотел создать в Дагестане барьер между Закавказьем, в частности Азербайджаном, и Россией. Это ему не удалось. Народы Дагестана не хотели быть послушным орудием в руках иранского захватчика...

К этому времени Надир уже был не в состоянии предпринять какой-нибудь серьезный внешнеполитический шаг, а тем более решиться на такую авантюру, как столкновение с Россией. Этому мешало прежде всего внутреннее положение страны, которое характеризовалось в 1743–1744 гг. народными восстаниями в Астрабаде, Мазандаране, Хое, Салмасе, Гиляне,

³⁷⁵ Там же, лл. 24–25.

³⁷⁶ Там же, л. 67.

³⁷⁷ Там же, лл. 73–74.

Маскате, Бахрейне, Фарсе, Ширване. Азербайджан и Дагестан были охвачены народными волнениями. Тесные экономические, политические и культурные связи Азербайджана с Дагестаном обуславливали совместную и упорную борьбу их народов против иранского владычества Надир-шаха.

Надиру хотелось окончательно покорить гордые и свободолюбивые народы Закавказья. Вместе с тем он стремился воспрепятствовать дагестанским владетелям принять покровительство России, что известно из документов³⁷⁸.

29 декабря 1744 г., в полночь, Надир выступил из Дербента по направлению к Каякенду, который был занят, полностью опустошен и разграблен. Посланный кизлярским комендантом для разведки казак Алиш Клякаев сообщил, что иранцы пригнали в Каякенд из окрестностей «скота овец 80 тысяч, також и рогатой скотины премножество и при них табунщики-пастухи и овчары привезены и тому шах персидский стал очень рад»³⁷⁹.

31 декабря Надир со своим войском подошел к реке Койсу. Села и аулы, расположенные в этом районе, – Карабудацкий, Кубденский, Отемишевский, Буйнацкий – были опустошены: около 100 тысяч овец, коров и лошадей угнано в лагерь шаха. Многих табунщиков-чобанов убили, а некоторых из оставшихся в живых взяли в плен и привели к шаху³⁸⁰.

Один из отрядов Надир послал в деревни Ураки, Табасаран и Куралину. Однако захватчики вынуждены были отступить: население укрепились в неприступных местах и оказало упорное сопротивление³⁸¹. В начале января 1745 г. Надир решил укрепиться в Дербенте. По его приказу крепостные стены были восстановлены, а в некоторых местах – отстроены заново³⁸². Но,

³⁷⁸ ЦГВИА, ф. 20, д; 8, оп лл. 4–12.

³⁷⁹ Там же, 27–29.

³⁸⁰ Там же, лл. 46–48.

³⁸¹ Там же, л.

³⁸² ЦГВИА, ф. 20, д. 8, оп. 1/47, л. 67.

не добившись желаемых результатов в борьбе против восставших народов Дагестана, Надир вскоре вынужден был отступить в глубь Азербайджана. В феврале 1745 г. он уже расположился лагерем у Куры³⁸³, а затем, не задерживаясь здесь долго, двинулся из Барды против восставших шекинцев и остановился в Ареше³⁸⁴. Но и этот поход в Шеки был неудачным.

Для того чтобы восстановить престиж своего войска, Надир обрушился на Турцию³⁸⁵. «Предвещание русских дипломатов, находившихся при шахе Надире, исполнилось, – пишет Соловьев, – победитель Великого Могола не мог ничего сделать лезгинцам, ...должен был схватиться за предлог окончить тяжкую, безславную борьбу, начавши новую войну, более легкую и выгодную»³⁸⁶.

В 1745–1746 гг. между Ираном и Турцией снова разгорелась война за Закавказье. Однако ничего существенного она не дала, и в октябре 1746 г. обе стороны решили заключить мирный договор³⁸⁷.

Такое решение диктовалось, с одной стороны, усилившимся разложением государства Надир-шаха, а с другой – постоянными интригами Франции, Англии и их агентов при шахском дворе, надеявшихся использовать Турцию и Иран в борьбе против России.

Российское правительство требовало от князя Голицына выяснить обоснованность распространившихся в то время слухов о соглашении между султаном и шахом об одновременном нападении на Россию.

---

³⁸³ Там же, лл. 69–70.

³⁸⁴ Мирза Мехти-хан Астрабади. Тарих-и-Надир. Тебриз, 1263 г. х., стр. 141.

³⁸⁵ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47 д. 6, л. 52.

³⁸⁶ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 5, т. XXI, стр. 379.

³⁸⁷ Там же, стр. 447.

Отвечая на этот вопрос, Голицын указывал на тяжелое положение Ирана и иранской армии в связи с восстанием народных масс Азербайджана, Дагестана и других подвластных стран. «Слухи невероятные, – писал Голицын, – потому что как бы Надир ни был зол на Россию и как бы французы ни старались усилить эту злобу, только теперь, на будущее время он ничего сделать не в состоянии; повсюду мятежи; войско от постоянного голода так изнурено, что с внутренними врагами управиться не может; новое войско набрать неоткуда, да хотя бы и вооружил всех персиян поголовно и двинул на Россию, то последней это не опасно, – от р. Куры до Дербента места пустые, где ни хлеба, ни зерна; к Дербенту пройти трудно потому, что встретит препятствия от изменивших ему шемаханских и ганджинских жителей»³⁸⁸.

2. ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РАЗРУХА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОЛИТИКИ НАДИР-ШАХА

С тех пор, как Надир стал единовластным хозяином, в Иране и завоеванных странах установился невыносимый для народных масс военно-политический и хозяйственно-экономический режим, сопровождавшийся физическим истреблением и ограблением населения.

Ирано-турецкие войны особенно тяжело отразились на народных массах Азербайджана. Ярким подтверждением этого является высеченная на иранском языке надпись от 1145 г. хиджры (1732/3 гг.) над порталом мечети в сел. Вананд в Нахичеванском крае. Она гласит: «Были крайние неурожай и скудость, так что ман пшеницы стоил 400 динаров, рис – 800 динаров, масло – 2800 динаров, мед – 3200 динаров, виноград-

---

³⁸⁸ С. М. Соловьев. Ук. соч., кн. 5, тт. XXI–XXV, стр. 492.

ный сок (душаб) – 2400 динаров, сыр – 1600 динаров, сушеный виноград – 2400 динаров, ячмень – 3500 динаров, абрикосы обыкновенные – 800 динаров, чеснок – 1200 динаров, хлопок – 400 динаров, арбузные семечки – 500 динаров по весу итилями... Был настоящий ад, благодаря голоду и утеснению разными нуждами несчастливого времени, так что на протяжении одного года селение Вананд и ближние соседи его три раза подвергались нападению и ограблению, многие правоверные мужчины, женщины были убиты и угнаны в неволю, а прочие рабы божьи, рассеявшись и перейдя реку Араз, поселились в деревнях того берега. И в эти дни... торговля также была прекращена»³⁸⁹.

Неурожай и голод в 30-х годах XVIII в. постепенно охватил почти всю территорию Азербайджана. Военные действия не давали возможности обрабатывать поля³⁹⁰. По словам Авраама Кретаца, во время объявления Надира шахом почти все районы Азербайджана голодали: «Не только в Мугане было недостаточно хлеба, но и по всем местностям Тавриза и здесь, Дузахе, в Гяндже, в Казахе, в Лори, Грузии, на берегах Гегамского моря, в Пакнадзоре, в Капане, в Нахичеване и в Ереване»³⁹¹.

Иранские и турецкие захватчики угоняли в рабство не только взрослых, но и детей. Будучи в Мугани, Авраам Кретаца своими глазами видел пленных, согнанных со всех сторон Закавказья, среди которых, кроме девочек-младенцев и мальчиков шести, восьми и десяти лет, были и беременные женщины³⁹².

Жестокость и произвол правителей опустошили страну и довели народные массы до обнищания. Налоги собирались

³⁸⁹ Цит. по И. П. Петрушевскому. Ук. соч., стр. 32.

³⁹⁰ И. П. Петрушевский. Ук. соч., стр. 302.

³⁹¹ Авраам Кретаца. История Надир-шаха... Архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 800, стр. 808. (Перевод Тер-Григоряна).

³⁹² Авраам Кретаца. Ук. соч., стр. 80.

дважды: в пользу шахской казны и в карман правителей. Небезынтересно привести слова, сказанные Надир-шахом нахичеванскому правителю: «Ты разорил Нахичеванскую страну, у райята (крестьян) не оставил мал (имущество), и ныне ты, больше чем 1000 туманов, взятки получил из страны Нахичевана...»³⁹³. Шахские сборщики податей буквально обирали крестьян. В 1736 г. один из шахских фискальных чиновников Мирза Рази собрал с жителей Нахичеванского округа более 1000 туманов в виде пешкеша³⁹⁴.

После того как в 1736 г. Надир объявил себя шахом, налоговое бремя, лежавшее на народных массах, увеличилось вдвое. Бесконечные военные походы вызывали новые повышения податей до небывалых размеров³⁹⁵. В областях Южного Азербайджана – Хое и Салмасы – податные поступления выросли с 3000 туманов в 1740 г. до 100 000 туманов в 1744–1745 гг.³⁹⁶

Сбор податей сопровождался пытками и истязаниями. Особенно жестоко проходил он в Закавказье. По словам Мухаммед Кязима, тех, кто проявлял «упущение в уплате поземельного налога и других податей в диван», лишали глаз, языка, а у тех, кто занимался подстрекательством (к волнениям), отрезали уши, нос и язык, конфисковывали имущество³⁹⁷. В других областях «у всякого, кто не доставлял установленной суммы, жену и детей его продавали сборщику франков и купцам индийским»³⁹⁸.

³⁹³ Там же, стр. 102–103.

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ И. П. Петрушевский. Ук. соч., стр. 85.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Мухаммед Кязим. Рукоп. Ин-та востоковедения АН СССР, д. 430, т. III, лл. 46 а, 46 б. Все выдержки из произведений Мухаммеда Кязима, использованные в данной книге, приводятся из книги И. П. Петрушевского и цитируются без указания на его работу.

Своих приближенных и отличившихся военачальников Надир-шах осыпал драгоценными подарками. «Какая польза, – пишет придворный историк Надир-шаха Мухаммед Кязим, – если в те дни 50–60 тысяч человек возвысились милостями шахин шаховым. Зато двести–триста тысяч других людей от ущерба, восстановленных податей и от палочных истязаний были охвачены разными горестями»³⁹⁹.

Нищета, голод и насилия иногда сопровождались и стихийными бедствиями, в частности чумой. Из-за свирепствовавшей в Азербайджане в 1737 г. чумы многие райяты и кочевники разбежались, и шахское правительство вынуждено было принимать меры против этого массового бегства⁴⁰⁰. В 1737 г. в Тебризе в течение четырех месяцев от чумы умерла значительная часть населения⁴⁰¹.

Еще больше увеличивала страдания народных масс Азербайджана переселенческая политика Надир-шаха. Население переселяли с одного места на другое под разными предлогами: иногда в виде наказания за неуплату податей, за участие в восстаниях. В 1737 г. по шахскому приказу азербайджанское племя халили было переселено в Хорасан. Переселение было возложено на Мухаммеда Кязима, который отправился в округ Марага, вывел оттуда выселяемых, в течение 6 месяцев доставил их в Хорасан, а сам вернулся в Азербайджан⁴⁰². В 1746 г. по приказанию Надир-шаха в Хорасан были переселены также многие кочевники из Азербайджана⁴⁰³. Некоторые из них вернулись обратно лишь после распада государства Надир-шаха.

³⁹⁹ Мухаммед Кязим. Ук. рукопись, т. III, лл. 46 а, 46 б.

⁴⁰⁰ И. П. Петрушевский. Ук. соч., стр. 254.

⁴⁰¹ Мухаммед Кязим. Ук. рукопись, т. II, л. 168 а.

⁴⁰² Там же, л. 168 б.

⁴⁰³ Там же, т. III, л. 168 а.

Бесконечные войны Надира, в особенности с Турцией, поглощали огромные людские ресурсы. Пополнение армии проводилось за счет населения Азербайджана, Армении и Грузии. Надир-шах провел рекрутский сбор в 60 тысяч человек в основном из «Тебриза, Мараги, Урмии, Сулдуза, Соуджубулака, Думбули (т. е. курдов округов Хоя и Салмаса, принадлежащих наследственным главам этого племени), Баргушета, Ахара, Карадага, Гянджи, Карабага, Барды, Еревана, племен армянских, жителей Туга и прочих, Тифлиса, всего Гурджистана, Ширвана, Шемахи и Мугана и той окрестности из кочевых племен Афшар, Мукаддам, Байят, Каджар, лезгин, туркмен, думбули, карабаги и прочих, описать которые перо бессильно»⁴⁰⁴.

Армия Надир-шаха, по его расчетам, должна была составить 360 тысяч, причем Закавказью следовало собрать $\frac{1}{6}$ часть⁴⁰⁵. Служба в армии Надира была тяжелым бременем. Но чем жестче и беспощаднее был гнет иранских захватчиков, тем яростнее становилось сопротивление закавказских народов владычеству Надир-шаха.

В связи с тем, что центром этого сопротивления был Ширван, Надир-шах в 1744 г. потребовал от Шемахи 150 000 рублей. Сардары и исполнители власти шаха своими поборами усугубляли тяжелое положение народа, стремясь заполучить кое-что и для себя⁴⁰⁶.

Таковыми мерами Надир полагал предупредить народное возмущение. «Шах считал, – пишет Иоганн Лерх, – что этим он всем пообрежет крылья, и они не станут больше бунтовать»⁴⁰⁷. Шах «наложил подати на все провинции, в том числе с Грузии определил ежегодно взыскивать по 40 тыс. туманов серебром»⁴⁰⁸.

⁴⁰⁴ Там же, д. 6 а, стр. 291–292.

⁴⁰⁵ Мухаммед Кязим Ук. рукопись, т. III, д. 6 а, стр. 291–292.

⁴⁰⁶ И. Лерх. Ук. соч., стр. 65.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ С. Э с а д з е. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I., Тифлис, 1907, стр. 11.

В результате разорительной политики Надир-шаха, непрекращающихся войн и усиления феодальной эксплуатации в Закавказье торговля пришла в упадок, города находились в бедственном состоянии: везде свирепствовали нищета и голод. Иоганн Лерх, бывший в то время в посольстве князя Голицына, так описывает положение Азербайджана: «Когда мы приближались к Дербенту, по дороге стояли только несколько обывателей, и столько же просивших милостыню несчастных слепцов, которым шах приказал выколоть глаза»⁴⁰⁹. И далее: «Люди боялись персов, которые хотя покупали, но не платили или давали не больше того, сколько сами хотели. Большой частью так поступали люди знатные, которые вообще, пользуясь беспокойным временем, насильничали»⁴¹⁰. В результате всего этого «люди разбегаются и частью переходят к мятежникам и не желают больше слушаться шахских приказов»⁴¹¹.

Страна была уже не в силах кормить огромную армию Надир-шаха, которая сама находилась в бедственном положении. «9 месяцев она [армия] не получала жалованья, — пишет Лерх. — Солдаты были одеты легко, шуб у них не было. У большинства платье было изодрано, многие были в разорванной обуви или в одном сапоге, другая нога была босая, и в таком виде они шагали по снегу и грязи. Большой частью они также изголодались и выпрашивали у нас хлеб»⁴¹².

Все это приводило к тому, что солдаты устраивали массовое бегство из армии, переходили на сторону восставших. В конце 1742 и в начале 1743 гг., когда Надир находился в Ширване и в Дагестане, «700 человек из его армии хотели бежать в горы к лезгинам, их заставили вернуться. Шах приказал привести этих

---

⁴⁰⁹ И. Лерх. Ук. соч., стр. 40.

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Там же, стр. 86.

⁴¹² И. Лерх. Ук. соч., стр. 33.

несчастных к себе; большинству были выколоты глаза, остальных обезглавили. Для устрашения других он приказал выстроить каменную конусовидную башню, 18 шагов в окружности и около 25–30 аршин высотой. В стене этой башни он приказал замуровать кругом в 12 рядов 192 человеческие головы, лицами кнаружи»⁴¹³.

Таковы были методы грабежа и насилий иранских захватчиков; таково было положение широких масс азербайджанского народа.

3. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ИРАНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Освободительная борьба азербайджанского народа против иранских захватчиков развернулась сразу же после первого похода Надир-шаха в Азербайджан. Уже 25 июня 1734 г. Надир двинул свои войска из Исфагана через Ардебиль на Мугань для подавления восстания. На границе северного и южного Азербайджана он встретил яростное сопротивление астаринцев, укрепившихся в горных ущельях. Придворный историограф Надир-шаха Мирза Мехти-хан Астрабади писал: «Одно соединение из талышей, которые населяют пределы Астары, места суровые и леса, полные дерев, от несчастья пошло против приказа хагана счастливого и потому для наказания их были назначены правители Астары, Ардебиля и Гиляната. Эта группа, которая была спрятана в непроходимых местах, лесах и в оврагах гор, как следует наказала их [астаринцев]...»⁴¹⁴.

---

⁴¹³ Там же, стр. 70.

⁴¹⁴ Мирза Мехти-хан Астрабадский. История Надир-шаха. «Русская старина», 1881, т. 32, стр. 164.

Гаджи Шейх Гасан Моллазаде в своей книге рассказывает об участии самого Надира в походе против астаринцев. Он пишет: «Надир 14 мухаррама в 1147 г. [17 июня 1734 г.] из Исфагана через Хамядан прибыл в Тебриз и после урегулирования дел там выступил в направлении Ардабиля и оттуда двинулся в Мугань, наказал другие племена Талыша и Астары, которые отошли в укрепленные места и отказались подчиняться шахским повелениям»⁴¹⁵.

Восстание астаринцев было первой искрой пожара, запыхавшего вскоре на азербайджанской земле. Мощная волна освободительной борьбы охватила весь Азербайджан. Центром ее был Ширван. В Шемахе в то время господствовал турецкий ставленник Сурхай-хан. Узнав о приближении Надира, он оставил Шемаху и со своим отрядом бежал в горы, бросив край на произвол судьбы⁴¹⁶. Несмотря на сильное противодействие населения, в августе 1734 г. Шемаха была занята войсками Надира, разграблена и разрушена.

В начале 1735 г., воспользовавшись ирано-турецкой войной, население сел. Биладжик, расположенного в 20 километрах от Шеки, восстало против владычества Надира. Поводом послужило взимание больших податей. Биладжинцы призвали на помощь население окрестных районов, и вскоре восстание охватило все горные районы северо-западного Азербайджана и Дагестана. Интересные сведения об этом восстании сообщаются в анонимной («Хронике войн Джара XVIII столетия»: «Тахмасиб Кули-хан [Надир] остановился в Биладжике. Он так жестоко и несправедливо собирал харадж, что население восстало против него, вызвало на помощь отряды Джиниха,

---

⁴¹⁵ Гаджи Шейх Гасан Моллазаде Гянджеви. Зубдат-ал-Таварих. Гянджа, 1912, стр. 83 (на азерб. яз.)

⁴¹⁶ Д ж о н а с Ханвей. Исторический очерк британской торговли на Каспийском море. Лондон, 1762, стр. 104–105 (на англ. языке).

Талы и Джара, других мест, двинулось против него и било много его воинов, захватило их имущество»⁴¹⁷.

Поражение в Биладжике привело Надира в бешенство, и он, решив наказать в первую очередь джарцев и талышей, отправил против них большое войско под командованием Мухаммед Кули-хана. В январе 1735 г. этот карательный корпус укрепился у устья реки Алазани, а затем, в связи с наступившими холодами, расположился лагерем недалеко от сел. Алибад.

Получив от джарцев девять заложников, Надир временно приостановил военные действия и потребовал еще 300 заложников, на что джарцы ответили отказом⁴¹⁸. 25 февраля 1735 г. после кровопролитного сражения иранским войскам удалось преодолеть сопротивление повстанцев. Восстание было потоплено в море крови; Джар и Талы заняты войсками Надира. Современник рассказывает, что оккупанты «...сожгли дома Катехи, Джары, Талы, Чардахи, сожгли также и весь округ Енисель, выгнали из них всех жителей, кроме тех, кто бежал с жителями Джара, Хачо и Чардаха, они разрушили крепости Джара и сожгли крепость Катеха и Талы, кроме этого кызылбаша ограбили все имущество мусульман и вырубили их фруктовые деревья и виноградники»⁴¹⁹.

Когда началась война с Турцией и иранцы были заняты осадой Гянджи, джарцы вновь восстали. И снова Надиру пришлось послать против них войска под командованием Али Мирзы. «Джарцы, оставив жилища, – пишет А. Бакиханов, – и укрепившись на высокой горе, сделали вылазку и нечаянно напали на персиян, идущих на них. Причинив им большой вред, не без урона со своей стороны, они отступили к своему укреплению. Персияне не смели приступить к осаде и, перере-

---

⁴¹⁷ Хроника войн Джара XVIII столетия. Баку, 1931, стр. 19.

⁴¹⁸ Хроника войн Джара XVIII столетия. Баку, 1931, стр. 21.

⁴¹⁹ Там же.

зав 150 человек пленных, попавшихся им в руки, возвратились назад без всякого успеха»⁴²⁰.

Народно-освободительная борьба против иранских захватчиков принимала все более широкие масштабы. После захвата Гянджи Надир решил окончательно расправиться с непокорными. 16 декабря 1735 г. во главе огромной армии он двинулся в район восстания и расположился лагерем между селениями Талы и Джар. Население, укрепившись в горных ущельях, приняло бой. Иранцы понесли значительный урон – было убито «сто сорок человек с двумя начальниками и верховным начальником Баба-ханом»⁴²¹. Разгневанный Надир приказал уничтожить все селения, крепости и истребить всех, кто попадет в руки. Но и это не поколебало стойкости джарцев и талынцев. Не добившись существенных успехов, Надир был вынужден отступить.

В Карабаге, Ширване, Шеки, Джарах, Белоканах, Талах происходили стихийные волнения, переходившие в восстания. Для подавления их брат Надира Ибрагим-хан, назначенный правителем Азербайджана, в 1738 г. прошел через Карабаг, Ширван в земли джарских джамаатов (вольных обществ). В связи с иранским походом многие ширванцы и шекинцы, выступавшие против владычества Надир-шаха, бежали в Джарскую область и присоединились к восставшим.

Ибрагим-хан во главе огромного войска расположился лагерем перед Кахом⁴²² и вызвал к себе представителей Джара и Талы якобы для установления «мира»⁴²³. Но восставшие разгадали этот маневр и укрепились в недоступных крепостях и горных ущельях.

---

⁴²⁰ А. К. Бакиханов. Ук. соч., стр. 116.

⁴²¹ Хроника войн Джара XVIII столетия, стр. 24

⁴²² Хроника войн Джара XVIII столетия. Баку, 1931, стр. 29.

⁴²³ Там же.

26 октября 1738 г. повстанцы напали на войска Ибрагим-хана. Сражение продолжалось от полудня до заката. В самый разгар боя на помощь повстанцам пришло население окрестных сел Мацеха и Катехи. «В этом бою кызылбаши были разбиты и обратились в бегство, потеряв убитыми Ибрагим-хана, главнокомандующего армией, Огуру-хана, Авшар-хана, Халхан-хана, Беркусай-хана, моурава Хизмхари, Керим-Агу, векиля Казаха, и других ханов, султанов и воинов. От них осталось много добычи, в том числе 1500 ружей, три пушки и др. Убежали также и коменданты окопов Каха, Шеки и Ширвана. После этого сражения джарцы и талынцы захватили Шеки и Ках»⁴²⁴. Остатки разгромленных иранских войск бежали в Шемаху.

По поводу разгрома иранских войск в Джаре английский посланник в Петербурге К. Рондо в мае 1739 г. доносил своему правительству, что «племя, живущее между морями Каспийским и Черным, с значительными силами... разбило персидскую армию под начальством родного брата шаха, сам он лег на месте»⁴²⁵.

Убийство брата, разгром его войск и изгнание иранцев из ряда городов заставило Надира двинуть в Азербайджан многочисленную армию во главе с Гани-ханом Абдальским. В Южном Азербайджане к армии Гани-хана присоединились и войска иранских правителей Хорасана. Все это огромное войско в феврале 1741 г. подошло к берегам Алазани, а затем остановилось между Джарами и Талы.

После сражения Верхние Джары были заняты и опустошены войсками Гани-хана. Карательные отряды Надира в течение нескольких месяцев разрушали и жгли районы джаро-талынских

---

⁴²⁴ Там же, стр. 30.

⁴²⁵ Донесение К. Рондо лорду Гаррингтону из Петербурга от 26 мая 1739 г. Сб. ИРИО, т. 80, д. 242, стр. 490.

вольных обществ. «Они разграбили имущество и стада тех магалов, – пишет Г. Алкадари, – разрушили их селения, а также, заняв дороги, ведущие в другие края, убивали и брали в плен бежавших по ним. Впрочем они там не оставили следов оседлости и разрушили все селения»⁴²⁶.

Но народ продолжал борьбу. Потерпев поражение, «джарцы ушли в Пече-гиль и Нухи-гиль [горные ущелья], не прекращая войны в течение 15 дней»⁴²⁷.

Одно из самых крупных восстаний произошло во второй половине 1743 г. в Ширване и было направлено против иранского владычества. Турецкий султан решил воспользоваться им в своих целях. В этом отношении очень характерно заявление английского путешественника Джонса Ханвея. «Турецкое министерство, – отмечал он, – понимало, что власть Надира стала уже ненавистной народу и, что весьма возможно, любой претендент, выставленный им, под предлогом царского происхождения, из семьи Сейфи, мог бы создать благоприятное для турок положение»⁴²⁸.

В это время в Азербайджане появился самозванец, выдававший себя за сына бывшего шаха Султана Гусейна – Сефи Мирза, или, как его иначе называли, Сам-Мирза. Он имел политическую программу. Отправляя Сефи Мирзу в Азербайджан в 1743 г., турецкий султан послал протурецки настроенным феодалам Дагестана письма, в которых требовал оказать помощь «законному претенденту на шахский престол». «Со времени вторжения афганцев в Иранскую землю, – говорится в фирмане турецкого султана на имя кайтакского уцмия Ахмед-хана, – от которых потрясло царство сефевидской династии, один из ее принцев прибег к защите высокой нашей особы и он

⁴²⁶ Г. А л к а д а р и. Асари-Дагестан, стр. 70.

⁴²⁷ Хроника войн Джара XVIII столетия, стр. 33.

⁴²⁸ Д. Ханвей. Ук. соч., ч. I. сто. 163.

называется принц Мирза-Сефи, который до настоящего времени пользуется спокойствием под тенью моего покровительства... а потому вы, господин ильхан, должны войти в сношение с нашим эрзерумским сераскиром Ахмед-пашою и чилдыранским валием Юсуф-пашою, оказывать зависящее от вас содействие и устройство дела принца Сефи-Мирзы»⁴²⁹. И далее: «Когда упомянутый принц утвердится на похищенном престоле своих предков, тогда он уступит бывшая прежде сего в составе нашего государства области шемахинскую, ширванскую, ганджинскую, тифлисскую, эриванскую»⁴³⁰.

Таким образом турецкие власти хотели использовать Сефи Мирзу для захвата Закавказья.

Во второй половине 1743 г., когда самозванец появился в Азербайджане, вокруг него собрались протурецки настроенные феодалы, в том числе Сурхай-хан вместе со своим сыном Мухаммедом⁴³¹. В стране в это время шло освободительное движение, возникшее и развивавшееся стихийно, помимо воли самозванца, которым пользовались те феодалы.

Восставшие жители Шемахи и Шаберана умертвили иранского правителя Ширвана Гейдар-хана⁴³². Восстание с каждым днем принимало все более острый характер. Вскоре от иранских оккупантов был освобожден город Шабран, а вслед за ним – город Ахсу [Новая Шемаха]. Восстание постепенно охватывало весь Северный Азербайджан и докатилось до Дербента."

Получив сведения о взятии Шемахи и убийстве Гейдар-хана, Надир снарядил большую карательную экспедицию, во главе которой поставил Авшар-хана и Фатали-хана. Вслед за ними во главе 25-тысячной армии Надир послал своего сына Насрулла Мирзу.

⁴²⁹ АКАК, т. П. Дополнение к 1-му тому, стр. 1081–1082.

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ Хроника войн Джара XVIII столетия. Баку, 1931, стр. 40.

⁴³² А. К. Б а к и х а н о в. Ук. соч., стр. 122.

В результате сражения, происшедшего под городом Ахсу 20 декабря 1743 г., отряды Сефи Мирзы и Мухаммеда были разбиты и бежали: Мухаммед – в Дагестан⁴³³, а Сефи Мирза – через Грузию в Турцию, но по дороге был пойман, и сдан иранским властям. По приказанию Надира Насрулла Мирза выколол ему глаз и отправил к султану⁴³⁴.

Иранские захватчики потопили в крови восстание шемахинцев. Многие повстанцы были казнены, некоторые – ослеплены. Оккупанты разрушили Шемаху, опустошили ее окрестности⁴³⁵.

Дербент также был разрушен ими. «В 1747 г., – пишет И. Лерх, – я был там и нашел красивый город очень опустошенным»⁴³⁶.

Вслед за Северным Азербайджаном «восстания распространились на значительную часть Южного Азербайджана и были подавлены с трудом»⁴³⁷.

Непрекращающимся антииранским восстанием попыталась воспользоваться султанская Турция. Во второй половине 1744 г. султан сконцентрировал в Карсе армию и вторгся с нею в Закавказье. К этому времени относится появление второго самозванца под тем же именем Сефи Мирза. Навстречу туркам во главе большой армии туда двинулся и Надир.

Турки запросили перемирия: был послан «к шаху посланник и говорил такие слова, чтобы [Надир] турецкие города не разорял и отступил прочь...»⁴³⁸.

Между тем народно-освободительная борьба против иранского владычества в Азербайджане принимала все более ши-

⁴³³ Хроника войн Джара XVIII столетия, стр. 40.

⁴³⁴ Д. Х а н в е й. Ук. соч., т. II, стр. 425.

⁴³⁵ И. Л е р х. Ук. соч., стр. 23.

⁴³⁶ Там же, стр. 13.

⁴³⁷ И. П. П е т р у ш е в с к и й. Ук. соч., стр. 335.

⁴³⁸ ЦГВИА, ф. 20, д. 8, лл. 41–43.

рокий размах. Одновременно с ширванским восстанием в 1743 г. вспыхнуло восстание шекинцев под водительством Гаджи Челеби Курбан оглы⁴³⁹.

Осенью 1744 г., вернувшись из Карса⁴⁴⁰, Надир расположился лагерем в Барде и направил отсюда отряд во главе с Мирза-ханом против восставших шекинцев. Однако карательная экспедиция была разгромлена, а сам Мирза-хан пал на поле битвы. Об этом свидетельствует один из документов, дающий полную картину первой попытки Надира подавить восстание шекинцев. Кроме того, он позволяет обнаружить ряд неточностей в суждениях Н. В. Левиатова об этом восстании, в частности об обороне крепости «Гялярсан ве герарсан»: «Шах де персидский и с войском своим по ту сторону Шемахи за два дня ездили между города Ганджи и речки Арасы в местечке Берде притом же объявил шах де персидский посылал войска своего на деревню Шеки Кабала, чтоб ее разгромить, а той деревни жители увидели приход персидского войска и засели де в ущелье между гор в лесу и тут персидского де войска много побили и притом убили Мирза-хана, с ним же и другого хана убили»⁴⁴¹.

Весной 1745 г. иранские войска вновь напали на Шеки. Повстанцы во главе с Гаджи Челеби-ханом укрепились в неприступной крепости «Гялярсан ве герарсан»⁴⁴². В «Хронике войн Джара XVIII столетия» говорится, что Надир «пришел к окопам Нухи [имеется в виду названная крепость], долго там сражался, но взять не мог, хотя и сжег Шеку, убил несколько человек, взял несколько человек в плен и ограбил часть их имущества. Но все же они сохранили свои окопы, хотя и голодали»⁴⁴³.

⁴³⁹ См. В. Н. Л е в и а т о в. Очерки из истории Азербайджана XVIII в., Баку, 1948; он же, Оборона крепости «Гялярсан ве Герарсан» против Надир-шаха. «Изв. АН Азерб. ССР», № 6, 1948.

⁴⁴⁰ ЦГВИА, ф. 20, оп. Чй7, л. 17.

⁴⁴¹ Там же, д. 8, лл. 22–23. Сообщение казака Кантамира Бабатаева. кн. Оболенскому от 27 декабря 1744 г.

⁴⁴² Хроника войн Джара XVIII столетия, стр. 42.

⁴⁴³ Там же, стр. 42–43.

Осада крепости не дала существенных результатов, армия же Надира потерпела большой урон. К этому времени разгорелись восстания и в других областях государства Надир-шаха. Все это вместе взятое заставило иранских оккупантов снять осаду и вернуться на Мугань⁴⁴⁴.

Восстание шекинцев и мужественная оборона крепости «Гялярсан ве герарсан» является яркой страницей в истории борьбы азербайджанского народа против иноземных захватчиков в XVIII в., в частности против владычества Надир-шаха. «Своим долгим пребыванием на Кавказе, – пишет И. Лерх, он [Надир] ничего не достиг, лишь погибла его армия»⁴⁴⁵.

Вопреки централистской политике Надира отдельные части его государства жили своей экономической жизнью. Чтобы противостоять враждебным силам, Надир прибегал к самым жесточайшим мерам. Но это не помогло. После смерти Надир-шаха уже давно начавшийся распад Иранского государства завершился⁴⁴⁶.

После распада государства Надир-шаха (1747 г.) в Азербайджане возникали обособленные государства – ханства⁴⁴⁷.

Когда в Петербурге было получено известие об убийстве Надир-шаха, граф Бестужев сделал подробный доклад о положении в Иране, в котором особо акцентировался вопрос обеспечения безопасности юго-восточных границ России в связи с турецкой опасностью для Азербайджана. Бестужев говорил: «России очень опасно, чтобы Оттоманская Порта, пользуясь

---

⁴⁴⁴ Хроника войн Джара XVIII столетия, стр. 43.

⁴⁴⁵ И. Л е р х. Ук. соч., стр. 44.

⁴⁴⁶ И. П. П е т р у ш е в с к и й. Ук. соч., стр. 86; Г. Б. А б д у л л а е в. Объединительная деятельность Фатали-хана Кубинского, стр. 34 (Канд. дисс., М., 1948, Библиотека им. Ленина). Его же. Из истории Северо-восточного Азербайджана в 60–80-х годах XVIII в. Баку, 1958.

⁴⁴⁷ Там же.

слабостью Персии, не овладела ею, не сделалось для России опасным соседом, и так как главной целью Петра Великого в завоевании Гиляни и других персидских областей было то, чтобы отдалить соседство турок»⁴⁴⁸. 27 августа 1747 г. тайный совет обсуждал доклад Бестужева и принял решения на случай внезапного нападения турок: склонить горские народы к вступлению в русское подданство и держать в Астрахани достаточное число морских судов для переброски войск в экстренных случаях.

---

⁴⁴⁸ С. М. С о л о в ь е в. Ук. соч., кн. 5, т. XXI–XXV, стр. 493.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ большого материала, архивных источников приводит к выводу, что Азербайджан в первой половине XVIII в. переживал один из тяжелых периодов своей истории. Борьба иранских и турецких захватчиков за Закавказье, в частности за Азербайджан, была в этот период наиболее острой. На территории Азербайджана шла разорительная война между этими державами. Возникло и развивалось народно-освободительное движение, направленное против иранских и турецких поработителей.

Захват у крестьян значительной части земельного фонда иранскими и местными феодалами, высокое налоговое обложение, грабеж и вымогательства ненасытных шахских властей, бесчинства иранской военщины, усиление феодальной эксплуатации, разорительная война на территории Азербайджана, грабительские действия турецких наймитов – все это тяжело отразилось на жизни страны. Иранские власти выжимали из Азербайджана последние соки, обрекая его на голод и нищету. Иранское господство сопровождалось разрушением сел и городов, истреблением десятков тысяч людей, вызывая ответные действия народных масс.

Характерной особенностью народно-освободительного движения было то, что оно переплеталось с антифеодальной борьбой. Народно-освободительный характер борьбы против иранского владычества не ослаблял, а, наоборот, подчеркивал социальное, антифеодальное содержание этого движения.

Вопреки ошибочным утверждениям ряда авторов, мы пришли к выводам, что Сурхай-хан и Гаджи Дауд были феодальными попутчиками народно-освободительного движения; их «восстания» не имели ничего общего с народно-освободительным движением, с борьбой народных масс против иранского владычества. Эти феодалы, а также Али Султан, стоявший во главе бандитского отряда, открыто грабили народ, разоряли страну. Являясь марионетками в руках турецких захватчиков, они пытались расчистить им пути к Каспийскому морю. Сефевидские лжепринцы, выдвинувшиеся в этих политических и социальных условиях Азербайджана, были ставленниками султанской Турции.

За спиной ирано-турецких захватчиков в Азербайджане неизменно скрывались англо-французские колонизаторы. Стремясь воспрепятствовать политике России на Востоке и желая прибрать к рукам рынки сбыта, шелк-сырец и Волго-Каспийский торговый путь англо-французские колонизаторы в этот период вмешивались в азербайджанские дела, всеми мерами стремились столкнуть Иран и Турцию с Россией, используя при этом Азербайджан в качестве яблока раздора. Европейские державы, подогревая захватнические стремления султанской Турции, пытались не только вовлечь ее в антироссийскую коалицию, но и использовать при осуществлении своего агрессивного замысла в Закавказье: Однако планы европейской дипломатии не увенчались успехом.

Силы Надир-шаха были сокрушены. Этому способствовала прежде всего активность народных масс, развернувших освободительное движение, истощение сил самого иранского государства.

Сохранившиеся источники свидетельствуют о том, что успехи российской политики в Азербайджане основывались не только на мощи Российского государства, но и на наличии в Закавказье возросшей русской ориентации. Русский царизм про-

являл интерес к Азербайджану уже в период подготовки и проведения «шемахинской экспедиции» Петра I. Занятие прикаспийских областей Азербайджана русскими войсками, а также вхождение их в состав России, вопреки колонизаторской политике царизма, было объективно прогрессивным явлением. В тех исторических условиях оно могло содействовать их хозяйственно-экономическому и культурному развитию.

В материалах по истории Закавказья первой половины XVIII в. раскрываются правдивые факты совместной борьбы его народов против общих врагов – турецких и иранских захватчиков. Эта совместная борьба была тесно связана с ростом ориентации азербайджанского и армянского народов на Россию, и эта ориентация была исторически оправдана.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Введение	8
Глава первая. Азербайджан в первой четверти XVIII века	14
Глава вторая. Внешнеполитическое положение Азербайджана в 20-х годах XVIII века.	25
1. Обстановка накануне вхождения Прикаспия в состав России	25
2. Вхождение прикаспийских областей в состав России	35
3. Обострение русско-турецких отношений и роль европейской дипломатии	44
4. Турецкая агрессия и политика России в Прикаспии	53
5. Борьба азербайджанского и армянского народов против турецкой оккупации и их русская ориентация	60
Глава третья. Борьба Турции и Ирана за Азербайджан и позиции русской и западноевропейской дипломатии....	71
1. Борьба вокруг заключения русско-иранского договора 1732 г.	71
2. Русско-иранское сближение и политика России в отношении прикаспийских областей Азербайджана	80
3. Обострение борьбы между державами за Азербайджан.	91

4. Иранское посольство в России	97
5. Подрывная деятельность английских дельцов в Прикаспии.	103
Глава четвертая. Освободительная борьба азербайджан- ского народа против иранских захватчиков	
1. Новые походы Надира в Азербайджан и Дагестан.....	107
2. Хозяйственно-экономическая разруха в Азербайджане в результате политики Надир-шаха	113
3. Освободительная борьба против иранских захватчиков	119
Заключение	130

Əbdürrəhmanov Asim Əhməd oğlu
XVIII ƏSRİN BİRİNCİ YARISINDA AZƏRBAYCAN
RUSİJA, TÜRKİJƏ VƏ İRAN MÜNƏSİBƏTLƏRİNDƏ
(rus dilində)

Редактор издательства Т. Ягмурова
Художественный редактор Ф. Сафаров
Технический редактор М. Ибрагимов
Корректор З. Черкасова

Подписано к печати 22/VIII 64 г. Формат бумаги 60x92¹/₁₆. Бум. лист. 3,12.
Печ. лист. 6,25. Уч.-изд. лист. 6,31. ФГ06151. Заказ 1160. Тираж 700.
Цена 50 коп.

Типография «Наука». Госкомитета по печати Совета Министров
Азерб. ССР. Баку, Рабочий проспект, 96.